

Талия Осова

*Хозяюшка
Покровской крепости 2*

Талия Осова

Хозяюшка Покровской крепости 2

«Литнет»

2025

Осова Т.

Хозяюшка Покровской крепости 2 / Т. Осова — «Литнет», 2025

2 часть. Мария Владимировна, после попадания в детское тело, уже хорошо освоилась и приняла себя полностью как Марию Камышину. Жизнь в крепости и ближайшем поселении хорошо налажена, и теперь пришло время реализовать собственные мечты и желания. Героине предстоит выбрать собственный жизненный путь в качестве подростка и двигаться к намеченной цели. Впереди ждут непростые испытания, придётся преодолеть немало трудностей, но наша героиня со всем справится, хотя и не без помощи друзей и соратников. Вас ждёт: #альтернативная Россия XVIII века #преодоление не только бытовых трудностей #развитие героини и её становление #любовь и х/э, но не так быстро, как хотелось бы Проды 3 раза в неделю. Подписка. 1 часть по ссылке:

© Осова Т., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	27
Глава 6.	32
Глава 7.	37
Глава 8.	43
Глава 9.	48
Глава 10.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1.

- Здравствуйте, Елена Дормидонтовна, — успела поприветствовать женщину, которая открыто обрадовалась при моём появлении. - Вы совсем не изменились. Всё такая же красавица, — смутила немного, но мой комплимент пришёлся по душе.

- А как я рада, дорогая моя, тебя видеть! Вроде большая совсем стала, а всё такая же миниатюрная, — окинула меня светящимися радостными глазами, словно накрыла материнской любовью. - Пойдём быстрее в дом, мужчины здесь сами управятся, — хозяйка перехватила меня и приобняла крепко. - Мы-то вас ждали со дня на день, как только Гринька сказал, что покровские будут, так сразу и принялись ждать. Правда, шельмец не сказал, кто прибудет и зачем. А здесь-то, радость такая!

Мне не давали даже слово вставить и всё подталкивали потихонечку к лестнице. Владелица постоянного двора определила меня, по старой памяти, в хозяйские хоромы, а моё сопровождение направилось в избу для постояльцев.

Вдова купца, а теперь хозяйка постоянного двора, практически для своих земляков, которых в Сибири оказалось слишком много, была всё такой же высокой и дородной женщиной. Однако лишний вес её совсем не портил, а придавал лишь в нужных местах, приятной глазу, округлости. Волосы совсем засеребрились, и морщинки у карих глаз стали более заметны, но яркие глаза, которые лучились радостью и добротой, будто бы скрадывали лишние года.

Несмотря на позднее время, народу во дворе суеилось слишком много. Кроме нас, на постой остановилось ещё несколько человек. Их подводы и сани уже стояли чуть в стороне у конюшни. Работники шныряли по двору с разными поручениями и в твёрдой руке хозяйки совсем не нуждались. Их слаженную работу отметила ещё прошлый раз. Также обратила внимание, за два дня своего пребывания, каким образом хозяйка со всем управляет.

Я успела только крикнуть Силу Капитоновичу, чтобы переноску с моими котами занесли следом в дом, и не заметила, как оказалась уже в хозяйских хорах. Оставлять на холоде короб никак было нельзя из-за одного особого секрета.

Обстановка почти не поменялась, вся добротная мебель была на своих местах. Добавилось немного милых вещичек и цветов в кадучках. Опознала фикус и гибискус — китайскую розу, которые вымахали почти под самые балки. Прежде этих растений здесь не было. Хлорофитумы, традесканции и восковой плющ так и висели пышными шапками в подвесах, которые я когда-то плела из бечёвки в стиле макраме в подарок хозяйке.

«Сколько времени с тех пор прошло, а они всё ещё целёхоньки», — промелькнула мысль.

Живые растения придавали особый уют помещению и даже больше, чем небольшие ковры на стенах и домотканые плотные половички на полу.

- Снимай свой тулуп, — скомандовала хозяйка, а совсем молоденькая девушка подхватила мои вещи и унесла в соседнюю комнату. - Банька уже готова. Дадим время мужчинам обмыться, а потом сами пойдём. В хозяйской части всё чисто, но лишние глаза и шум не люблю.

Дальше мы присели за стол с самоваром и разговорились о последних новостях. Хозяйку не смущал мой наряд, который был неподобающим юной девице, и представлял собой смесь из казахского и русского нарядов. Я давно уже оценила удобство штанов и короткой до колен свободной рубахи, как у Алтын, с боковыми прорезями, которые не сковывали движения. Только подвязывалась кушаком, в отличие от супруги Дронова.

За кружкой горячего чая начала расслабляться и отогреваться не только телом, но и душой. Сама атмосфера располагала к этому, а я чувствовала себя будто бы дома рядом с родным человеком. Пусть разница в возрасте у нас была слишком большая, но благодаря переписке мы словно сроднились.

Всего в письмах не расскажешь, да и живое общение гораздо приятней. Корреспонденция наша и небольшие подарочки передавались от случая к случаю. Чаще послания отправлялись с оказией, когда кто-нибудь из знакомых выезжал в Омскую крепость или на торг. Частную пересылку организовать из стратегического объекта самóй было не так просто, как хотелось бы. Покровская крепость прежде всего являлась фортификационным сооружением, несмотря на расширяющуюся деревеньку при ней.

Можно было отправлять почту с постоянного двора, что расположился на тракте, но с Прокопием Мухиным мы не больно ладили в последнее время и доверия у меня к нему не было. Учить всех подряд рукоделию я наотрез отказалась, вот он и затаил обиду.

Дети у купчихи подросли и в настоящее время обучаются в Санкт-Петербурге, но это я и так из посланий уже знала. Родительница надеется, что из парней выйдут хорошие лекари, а пристроиться им она со своими связями наверняка поможет. Медицина, как и прежде, оставляла желать лучшего, но и других специалистов не хватало везде. В настоящее время даже людям из ссыльных с нужным образованием и навыками были рады, делали им послабление режима.

В ответ я поделилась результатами изысканий нашего лекаря — Михаила Пармоновича Афанасьева. Рассказала о признании его заслуг в научном обществе. Женщина посетовала, что такой толковый мужчина вынужден не только заниматься своей научной работой, но и мотаться по хуторам в качестве простого лекаря.

- Ему предлагали остаться при университете, но он сам отказался, — вступилась за дорогого человека. - Практика для него важнее оказалась. А где её взять, как не на таких выездах к больным? Все свои мази и микстуры он опытным путём проверил. Да и семья у него здесь образовалась, супружница из местных краёв.

- Да, хорошая практика для лекаря много значит, — согласилась женщина, задумавшись ненадолго.

На самом деле, в моей реальности никто бы не допустил испытывать новые средства для лечения людей без предварительных лабораторных исследований. Однако учитывая прежние методы средневековых эскулапов и состав их снадобий, то я бы, не раздумывая, согласилась на лечение нашего лекаря новыми препаратами. Наверняка поглощение опиатов, ртути, фосфора, сурьмы или мышьяка — здоровья бы ослабленному болезнью организму не добавили.

Когда я впервые залезла в сундук к дядьке Михаилу, то дала себе зарок не болеть из-за содержимого его лекарской аптечки. Рецепты из записей Аграфены для меня оказались надолго, более предпочтительными, а позже и некоторые мои сборы были экспроприированы Афанасьевым для более эффективного лечения собственных больных.

От замужества Елена Дормидонтовна отказалась, так как не захотела прогнуться под мужчину. Слишком властным оказался кавалер и ещё до женитьбы пытался её прогнуть. Но разве казачка такого допустит? Она и сама нагайкой неплохо управлялась и хозяйство держала твёрдой рукой, хотя почти шестнадцать лет была за мужниной спиной. Зато и горевала долго о его пропаже, но не опустила руки, а взялась за дело. Сынов на ноги ставить нужно было... К сожалению, караваны не всегда могли избежать нападения и разграбления, какой бы выученной охрана ни была. Риск существовал всегда. Вот и супруг её более семи лет назад пропал без вести со своим добром и людьми.

- Я кавалеру своему сразу на порог указала, а ведь каким порядочным поначалу он мне приглянулся, — при этом во взгляде моей собеседницы появилась печаль, значит, сердечко женщины ещё не отболело. - Благо перевели с глаз долой на службу дальше в Енисейский острог, там каторжан охранять будет. Может, слышала про такой? Прежде это была Тунгусская крепость.

- Нет, не доводилось слышать, — подсела ближе и приобняла женщину в знак поддержки. - Значит, не ваш это был человек. Ваш где-то бродит рядом и обязательно найдётся.

На мои слова женщина лишь усмехнулась, но с явной горечью, словно давно уже смирилась со своим одиночеством. Но я хорошо помнила, что в моей реальности женщин при крепостях категорически не хватало, об этом и Захар Кузьмич мне рассказывал в прошлую нашу поездку. Так что я совсем не лукавила, когда пророчила ей женское счастье.

В ответ меня также приобняли, щедро делясь теплом. Было хорошо рядом с этой женщиной, спокойно и как-то умиротворённо. Вдруг осознала, что слишком давно мне не хватало таких вот обнимашек. После смерти Бориса Прокопьевича я больше сторонилась людей. Утешение находила рядом со своими питомцами и Капелью, хотя дед Василь всегда пытался меня расшевелить. Может, только благодаря Нечаеву, мне удалось собрать себя и двигаться дальше.

Безбожно врут те, кто утверждают, что время лечит...

- Совсем ты отошала, Мария Богдановна! Рёбра торчат и щёки у тебя впалые, — вдруг начала возмущаться бывшая купчиха. - Не дело это для девицы, — отстранилась и посмотрела на меня с укором. - Плохо Иван Фёдорович за тобой смотрит. Вот как появится на пороге, так всё ему и выскажу в глаза. Эх, мужики!

Никакой шутливости в голосе Елены Дормидонтовны не было. Даже намёка на то. Только спорить было совсем бесполезно. Правда была лишь в том, что аппетита у меня частенько не было, а за работой, бывало, забывала поесть. Обеспечивали продуктами меня вдоволь и всегда можно было потрапезничать на кухне. Ермак Курапов, который заменил в гарнизоне Верхова, только рад был моему приходу и готов был выставить на стол всё самое лучшее. Повар из него вышел вполне приличный, но печь вкусную сдобу, как Борис Прокопьевич, не мог. Вроде использовал рецепты наставника, но такой замечательной она у него всё равно не выходила, не давалась ему эта наука в руки.

- Это у меня телосложение такое. Все говорят, что я на родительницу свою сильно похожа, — попыталась урезонить. - Она даже после родов не расплылась фигурой. Значит, это природа наша такая — особенность семейная.

Дальше разговор сам собой перешёл на новые рецепты блюд и заготовок, а вскоре прибежала девчонка и сообщила, что банька уже свободна и готова к нашему удовольствию.

- Бери смену и пойдём с тобой прогреться, — скомандовала Елена Дормидонтовна.

Мыться с кем-нибудь в компании мне не доводилось. С момента попадания в эту реальность я была единственной женского пола при крепости и всегда пользовалась банькой единолично или обмывалась в лохани прямо у себя в избе. Поэтому немного смущалась обнажаться при посторонней женщине. Хотя чего она там могла нового увидеть? Мои рёбра она и так умудрилась прощупать под рубахой. Ополоснуться и прогреться очень хотелось, тем более было непонятно, когда ещё подвернётся такая возможность.

Пока мы беседовали с хозяйкой, моих котов уже обиходили. Глори и Лаки растянулись на большом кресле, которое в единственном числе расположилось у стола в гостевой комнате, и мирно спали.

Ночное небо было украшено множеством звёзд. Быстро нашла Малую Медведицу и отметила яркую Полярную звезду. Мне всегда нравилось смотреть на звёзды. В такие моменты я словно возвращалась в свой мир и в свою реальность, забывались все невзгоды и хотелось мечтать.

«Совсем как прежде, дома»...

Мечта — это своеобразный способ вернуться в мир, где ты счастлив, где нет боли и потерь. Некоторые считают, что это глупое занятие, но другие этим живут. Я только совсем недавно вновь начала мечтать. Только таким способом можно понять — чего тебе хочется в жизни на самом деле и, исходя из этого, ставить конкретные цели и задачи. Благодаря мечте, можно избавиться от собственных страхов перемен и начать получать удовольствие от этого.

Пусть я только на пути к реализации мечты, но я сделала первые шаги и начинаю получать от этого радость и окрылённость, несмотря на все трудности, которые ещё меня ожидают впереди.

Я давно приняла эту реальность и себя. Хотя не совсем вписываюсь в местный формат девушки, но передо мной яркий пример Аграфены — мамы Машеньки. Женщина нашла своё женское счастье, несмотря на свою хрупкость и необычность для этого мира. Жаль, что этого счастья ей было отпущено совсем мало, но оно было ярким и насыщенным разными важными моментами. Её блокнот с подсказками и знаниями храню, как самое настоящее сокровище. Только благодаря этим записям, мне удалось относительно комфортно адаптироваться к новой реальности. За это я буду благодарить не раз эту женщину и Мироздание, которое дало мне второй шанс.

Хозяйская часть баньки была относительно небольшой. Просторный предбанник уже успели прибрать. Лавки застелены сухой холстиной. На стол был выставлен кувшин с холодным взваром, а самовар парил, распространяя аромат свежесваренного чая. Пирожки привлекали своими румяными бочками, соблазняя снять пробу.

Долго париться и мыться мы не стали, время было уже позднее. У нас в деревне после заката вообще старались в баню не ходить из-за разных поверий. Только в крепости для всех этих предрассудков времени совсем не было. После разъезда казачки предпочитали в любое время суток смыть с себя грязь и усталость.

Прежде чем идти в дом, решили немного остыть за кружкой чая...

- Всё-таки решила ехать в Тобольск? — сожаление в глазах женщины было искренним.
- Я уже надеялась, что приедешь учиться здесь у нас при Омской, и комнату тебе загодя собирались готовить. У нас хорошая школа для девочек, и к дому тебе было бы ближе.

- Так уж сложилось, Елена Дормидонтовна, — вздохнула тяжело, и мне вдруг захотелось прижаться крепко-накрепко и не отлипать от этой женщины.

Зачем себе отказывать в этом малом удовольствии? Развернулась и уткнулась женщине где-то в районе груди, сдерживая всхлип. Меня вдруг накрыло волной разных эмоций, которые почти разрывали изнутри. Дыхательная гимнастика не помогала держать всё в себе, грозясь выплеснуться истерикой.

- Сил Капитонович без меня не справится один, а к осени как раз придёт время поступать, — всё-таки сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала поглаживания по голове.

«Совсем как Борис Прокопьевич меня раньше гладил», — вдруг накатили воспоминания, и я не смогла сдержать слёзы.

Истерика накрыла меня словно цунами... Долго я держалась... Слишком долго...

Меня давно никто не обнимал и не утешал, а иногда так хочется почувствовать простое человеческое тепло и понимание, выплеснуть собственные чувства или поговорить по душам. Моя боль притупилась, но до конца потерю дорогого человека мне пережить ещё не удалось. Пусть я на людях крепилась и старалась не показывать своих эмоций и душевных переживаний, но от этого легче не становилось.

Очень помогало простое человеческое общение с Лукерьей Ильиничной и Даринкой, но у супруги нашего лекаря и своих забот хватало. Когда там было время нам обниматься и делиться наболевшим друг с другом? Жизнь у неё самой была прежде несладкая.

Сейчас между всхлипываниями я изливала всю свою боль почти постороннему, но такому родному, на самом деле, человеку. Я жаловалась на судьбу и потери, искала сочувствие и поддержку. С каждой слезой я чувствовала облегчение, будто бы вся горечь потерь освобождала место для чего-то более важного и нового. Но это меня больше не страшило. В моей памяти останутся светлые моменты с дорогими людьми. Жизнь идёт своим чередом...

- Поплачь, Машенька! Поплачь, — шептала мне успокаивающим голосом и оглаживала по спине и плечам, словно снимая руками все мои душевные горести. - Доля наша бабская

такая, что только со слезами приходит облегчение. Всё у тебя будет хорошо, моя дорогая. Вот выучишься и мужа мы тебе заботливого и ласкового найдём. Я сама буду за твоё счастье молиться, девонька.

«Не отведав горького, не узнаешь сладкого», — напомнила себе народную мудрость.

Не знаю, сколько мы так сидели в обнимку, но всё когда-то заканчивается. Прошла и моя истерика...

- Спасибо, Елена Дормидонтовна, за понимание и простите, что замочила вам всю сорочку, — отстранилась нехотя из таких приятных объятий.

- Да чего уж там, можешь тёткой меня кликать, а не по бабушке, — дала своё позволение, помогла подняться мне и теплее завернуться. - Завтра вам рано в дорогу подниматься, так что пошли отдыхать. Гуска заявил, что задерживаться вам никак нельзя.

Спала я крепко и без снов, даже не помню, как добралась до кровати. Утром меня еле растолкала девчонка из прислужниц, а я с трудом выбралась из перины.

Собрались мы быстро, хотя Глори и Лаки противились забираться в короб. Только я никак не могла их перевозить по-другому, опасаясь потерять своих питомцев в дороге. Всё-таки в такой переноске им самим было гораздо комфортней, чем просто сидеть в телеге поверх вещей и сундуков под парусиной.

Свежий ветер порой пробирал до самых костей, как бы ни кутался.

- Не забывай меня, буду ждать писем твоих, — напутствовала в дорогу тётя Лена. - Как обустроишься, сразу дай знать. Гурьевы - добрые люди и не обидят тебя. Варфоломей Иванович с супругом моим по первой караваны водил, а как Надежда Филиповна наследника родила, так и осел сам.

Меня приобняли на прощание, поцеловали в лоб и помогли взобраться на лошадь.

- Сил Капитонович, головой за девочку отвечаешь, — погрозила моим сопровождающим кулаком и перекрестила вдогонку.

«Храни вас Господь от всех печалей и невзгод», — ещё долго разливались её слова теплом в душе.

Спасибо, что Вы со мной!

Глава 2.

Омская крепость и слободка остались давно позади. За эти годы округа хорошо расстроилась, появилось больше каменных домов.

Просторы полей между берёзовыми колками встретили нас редкими проталинами, снега нынче было ещё много. Для будущих хлебов — это очень хорошо. Основным занятием омских крестьян было как раз таки хлебопашество, хотя они и не могли в полном объёме обеспечить в достатке всё местное население. У военнотружущих ранее не было возможности обеспечивать себя продовольствием самостоятельно. Из Покровской, как и из других мест, осенью регулярно отправляются обозы с зерном, а от нас теперь ещё и с картофелем.

В моей реальности даже какое-то время стоял запрет на обзаведение служивыми пашнями, чтобы они не отвлекались от своих прямых обязанностей — защищать пограничные линии. Это уже в конце XVIII века указом Сената было разрешено наделить землёй линейных казаков — по 6 десятин на одного человека. Однако реализовать указ не вышло ещё около века, и командование закупало хлеб и фураж у крестьян в других местах Западной Сибири. Казна помогала, так как имела за Уралом свою «десятинную» пашню, которая обрабатывалась в порядке повинности сибирскими крестьянами.

Может реформы Петра Алексеевича смогли переломить ситуацию в этой реальности, и какое-то время всё было с обеспечением благополучно. Однако с каждым годом ситуация менялась не в лучшую сторону. То ли стали больше красть, а то ли меньше выделять средств на содержание гарнизонов?

Поток крестьян в Сибирь не иссякал. Не зря к нам переселили казённых крестьян, которые в несколько раз увеличили пахотные земли. В этом плане самообеспечения наша крепость выигрывала в разы, так как изначально командование гарнизоном озаботилось этим.

Сказался опыт наших казачков в голодные годы по другим местам службы. Пусть в Покровской крепости поначалу это были лишь огородные посадки и небольшое поголовье скотины для подстраховки с помощью семей служивых. Однако в настоящее время ситуация сильно изменилась. Задержки обозов с провиантом уже не могли слишком существенно повлиять на обеспечение солдатиков продуктами питания и лошадей прокормом.

«Всё-таки Макар Лукич здорово придумал всё проверить вроде как по закону. Теперь покровским ничего не страшно, даже если обеспечение совсем свернут — выживут», — уже не раз приходило осознание.

Разнообразие овощей и множество способов их сохранения, позволили забивать склад и погреба под завязку и служить гарантом от голода даже в неурожайные хлебом времена. Новое хранилище для картофеля и теплица, также были хорошим подспорьем в хозяйстве, хотя их и вывели за пределы крепости и вроде как отношение к фортификационному сооружению по документам они не имеют. Как и огород за крепостной стеной на берегу озера, который в настоящее время больше напоминал колхозное поле. Даже трудовая повинность солдатиков, в ущерб их свободному времени, шла на пользу служивым и больше не вызвала возмущений.

«Всякий воин должен понимать свой манёвр», — вспомнилось высказывание полководца Александра Васильевича Суворова, о славе которого известно было уже и в Сибири.

Я давно для себя отметила, что многие выдающиеся личности встречаются и в этой реальности. Но... Вот всегда есть это пресловутое «но», вызывающее сомнения и сбивающее с толку.

- Сегодня нужно дойти до хутора, что на речке Саргатке, — поравнялся со мной Сил Капитонович. - Через две версты свернём и пойдём по льду, так что не бойся и крепко держи поводья. Тёмный лёд обходи стороной, там полынья может быть, — провёл небольшой инструктаж.

«От Омска до посёлка Саргатское было чуть больше ста километров, но соответствует ли в этой реальности расположение одноимённого хутора?» — начала мучить меня мысль.

- Это сколько вёрст выйдет? Осилит? — сомнения у меня скрыть не получилось, что вызвало смех у мужчины.

Загнать Капель мне совсем не хотелось. Мы с ней уже давно сроднились.

- Наши лошадки к большим переходам привычные, так что осилит, — решил всё-таки разъяснить для меня. - Обычные больше пятидесяти вёрст не пройдут, а наши и сотню свободно одолеют. В Тарской на пару дней задержимся для отдыха.

При такой скорости за три дня мы должны будем дойти до Тарской крепости, но загадывать наперёд я боялась. Слишком непредсказуемой могла быть погода весной.

Гуска рассказал, что большую часть пути мы будем двигаться по Почтовому маршруту, но только после Кушайлинской гати. До этого места быстрее будет сейчас добраться по льду, а затем и до хутора рукой подать. Служивый с такими подробностями описывал данные места, а затем объяснил, что имеется ещё один путь — Кандальный, который идёт от гати до самого Тюкалинского острога.

Отдалённо знакомое название всколыхнуло воспоминание одного из заседаний Русского географического общества (РГО). Из личной жизни многие моменты уже позабылись совсем, но особо яркие события ещё хранятся в памяти. Нам тогда пытались донести информацию «сверху», что был взят курс на развитие внутреннего туризма в регионах. Для всех было поручено найти наиболее интересные объекты для привлечения людей и средств на местах с минимальными финансовыми вливаниями. Так что много интересных фактов удалось обнаружить тогда.

«Это что же выходит, по этой дороге на конных повозках спустя век совершит своё путешествие по Сибири на Сахалин великий русский писатель А.П. Чехов?» — словно мешком пришибло меня осознание. - *Хотя чему я удивляюсь? Чуть раньше корреспондента «Нового времени», Фёдор Михайлович Достоевский будет отбывать каторгу в Омском остроге за хранение запрещённой революционной литературы».*

Но всё это было в моей памяти, а как оно сложится в этой реальности, я уже никогда не узнаю. К этому времени успею состариться и отправится к предкам или на перерождение.

«Если Мироздание ещё чего-нибудь на мой счёт не придумает», — на этой мысли чуть было не рассмеялась в голос.

Относительно укатанная дорога местами проваливалась. Я боялась навернуться с лошади и угодить под копыта, но был ещё риск покалечится самому животному. Поэтому когда мы съехали на лёд, я с облегчением вздохнула. Меня уже не так сильно пугали промоины.

Вокруг стоял голый березняк, лишь изредка радовали своей зеленью ели и сосны. Они изумрудами смотрелись на бело-серой глади.

Ранняя весна — это не самое удачное время для путешествий, тем более в Западной Сибири. Дневная оттепель превращает дорогу в кашу, а ночные морозы всю эту массу хорошенько скрепляют, и поутру передвигаться по ней затруднительно не то что верхом, но и пешим ходом. Особенно тяжело было лошадкам, так как лёд запросто мог повредить даже подкованные копыта. Капель перед дорогой ещё раз тщательно проверили и переподковали, чтобы уменьшить вероятность травм.

На ум сразу вспомнилась старая японская поговорка: *«Из-за забытого гвоздя потеряли подкову, из-за потерянной подковы лишились коня, из-за лишённого коня не доставили донесение, из-за недоставленного донесения проиграли войну»*. Она точно объясняет причинно-следственные связи при безответственности. Благо война перед нами не маячила...

Моя лошадка, конечно, — это не боевой конь, но её потеря в дороге запросто могла доставить нам большие неприятности, как и травма любого другого животного. Поэтому при под-

готовке в дорогу постаралась предусмотреть разные ситуации и подойти ответственно. Даже удостоилась ворчания Василя Нечаева и своего наставника по верховой езде в одном лице за чрезмерное волнение и недоверие старику.

Все эти воспоминания сейчас помогали мне обрести душевное равновесие и для себя поняла, что после излияния всех своих страхов и боли на тётку Елену, как позволила себя называть Елена Дормидонтовна, мне стало гораздо легче и спокойнее.

За всеми этими думами и погружением в себя я вдруг упустила момент...

- Стой! Стой, оглашенная! — услышала окрик и чуть было не поставила Капель на дыбы.
- Тебе что было сказано, Мария Богдановна? Слезай с лошади от греха подальше и ступай к Чернову.

- Простите меня, чуток задумалась, — только сейчас поняла, чего удалось мне избежать. Впереди темнела большая промоина... А я отклонилась от маршрута...

Спорить не стала и перебралась на телегу с полозьями к одному из сопровождающих. Места на облучке как раз хватило впрытик, чтобы не сваливаться.

- Нам за тебя голову открыли бы, в случае чего, — служивый посмотрел на меня с укором, хотя мне и так было стыдно за свою неосмотрительность.

Большую часть пути мы молчали, чтобы не отвлекаться от дороги. Только сейчас меня накрыло осознанием опасности всего нашего путешествия. Лёд периодически потрескивал, и заметны были следы диких животных, которые пересекали дорогу с одного берега на другой. Даже волчье подвывание мне слышалось вдалеке.

Вблизи поселений практически не было, а дичь вольготно гуляла по этим просторам. Я всё ожидала появление тайги, но ничего и близко похожего пока не заметила. Только чуть чаще начали встречаться хвойные деревья.

«Народ российский ещё не скоро всё это освоит, хотя коренное население умудрились согнать с родных земель», — с грустью вспоминала прочитанное в «Истории Сибири» под авторством Семёна Ремизова.

- Чего пригорюнилась, Мария Богдановна? Хочешь, сказку расскажу? — подал голос мой попутчик.

Кто от такого откажется? Казачьи сказки стали своеобразными и оттого очень интересными и поучительными. Да и дорогу поможет сказ скоротать.

- Хочу!

- Тогда слушай, девонька, — Степан Чернов прикрыл меня своей полкой. - Чтобы не поддувало и не сверзилась с облучки, — пояснил свою заботу.

Прокашлялся и начал говорить задушевым голосом, словно самый настоящий сказитель:

- В одной из станций на самом Дону жила семья. Люди рассказывают, когда был их сыночек Митяй ещё чуть больше рукавицы, лежал он в люльке насупленный и сурьёзный такой. В курене ни души: отец в поле, мать хлопотала по двору где-то. К люльке подкрался Страх и принялся розги корчить, чтобы напугать ребёнка, а он возьми да изловчись. Схватил его за бороду и начал трепать так, что не отдерёшь. Крики и вопли мать услышала и бросилась в курень, а сыночек лежит, и от удовольствия пузыри пускает. В руках пучок сивых волос держит и играет, а за окном плач, угрозы да воркотня. Где это видано, чтобы со Страхом так обращаться?

Я словно своими глазами видела этот курень-избушку и пухлого кучерявого мальчика в люльке, из которого вырастит в будущем бравый казак. По-другому просто быть не может. Немного жалко было сгорбленного старичка, олицетворяющего Страх, но я прекрасно понимала, какая реакция может быть у ребёнка. У Алтын маленьким сыночек периодически хватал меня за косу или за нос, пытался добраться до всех украшений тётушек. Таким образом, дети познают окружающий мир.

Дальше события в сказке развивались очень активно. У Страха не вышло напугать трёх-летнего мальчонку, когда отец посадил его на коня, а тот встал на дыбы и понёс через забор в поле.

В следующий раз во время путины, когда, уже будучи подростком, Митяй со взрослыми тянул невод, а попался Водяной. Страх уговорил морского владыку побаловать и объявиться людям, а сам притаился в кустах и наблюдал со стороны. Народ разбежался врассыпную, а парнишка остался и устыдил ещё Водяного.

- Ты что балуешь? — вопрошает парниша.

А Водяной ему бряк в ответ:

- Где здесь дорога на Царицын?

- А вот тамочки, — говорит Митяй, — так напрямик и держи по реченьке.

Развернулся Водяной, от досады Страху кулаком помахал и пошлёпал прямо по воде в ту сторону, куда ему Митяй указал. Пошла с тех пор за Митяем слава бесстрашного.

Дальше жизнь парня ничем не отличалась от жизни любого казака. Началась война, и подросший Митяй отправился нести службу. Однако Страх не отставал от него и пристроился в обозе, в надежде достать молодого мужчину на бранном поле.

Бедного старичка-Страха наш герой умудрился отходить нагайкой. «Проканифолил» его парень знатно, как высказался мой рассказчик, и немного задержался с выходом на поле брани. Затем вошёл в раж и рубился без усталости и не слышал приказа об отступлении. За нарушение приказа его не наказали, а предупредили и произвели в урядники.

Страх кинулся за помощью к Смерти и еле уговорил помочь, пришлось ему надавить на их родство. Вот только вновь ничего не вышло. Молодой казак умудрился косу выхватить и переломать, а потом и Смерть отходить своей нагайкой. Страх видит такое дело и в бега подался, а за ним Смерть. Но погрозились ещё навеститься и отомстить.

- Приходи, — говорит Митяй. — Нагаечкой проканифолю. Отлежёт тебе маленько.

Меня после этих слов смех разобрал, так как ярко представила себе эту картинку. В голове она у меня сложилась почти в карикатурном виде. Замечательным сказителем оказался мой попутчик, и дорога казалась гораздо легче. Даже холодный ветер в лицо не так сильно уже беспокоил.

Много ещё героических сюжетов было освещено про жизнь Митяя. Где только брались такие в голове у дядьки Степана? В какой-то момент казачок представлялся мне неким партизаном, действующим во вражеском тылу и ведя подрывную деятельность. Даже Смерть отказалась забирать наших воинов, и враги запросили примирения.

- И пошла гульба. Приступили казачки шиночки проверять. Пошёл с ними Митяй. Увидел шинкарочку. Больно приглядна. Девка, как есть без пороку.

Вдруг поняла, что слово «шинкарочка» для меня совершенно незнакомое и непонятное, а шинка — это стопка. Среди наших служивых его никогда не звучало. Пришлось прервать рассказчика и попытаться до истины, иначе смысл совсем для меня терялся. Оказалось, что таким образом называлась «кабатчица», но не из тех вольных девок, которые торгуют своим телом, а из тех, которые честно работают в кабаке или трактире.

А дальше наш герой умыкнул дивчину, хотя она ему сразу сообщила о наличии на примете жениха из более достойных дружков. При этом не забыл Страху промеж глаз хорошенько зарядить.

Как бы ни голосила шинкарочка по отцу-матери, по милому дружку, но пришлось смириться ей со своей судьбинушкой на чужой стороне.

Мне в этот момент было искренне жаль девушку, которую перекинули через седло и увезли силой непонятно куда. Такого никому не пожелаю. Сразу вспомнилось, как меня по малолетству чуть было не выкрали во время торга бенгальцы. Тогда я отделалась лёгким испу-

гом. А в этой сказке воровство девушки преподносится, как что-то вполне нормальное. Вот этого я никак не могла понять и принять, каким бы ни был наш герой самым положительным.

Казак привёз молодую жену домой, но она была всегда печальной и молчаливой. А с чего ей на самом деле радоваться? Ей до наград мужа дела нет, когда пришлось под нелюбимого возлечь. Соседи и приятели не спешат с героем общаться и больше сторонятся его, а Митяй всё списывает на людскую зависть. Критику не воспринимает и стариков слушать не хочет — это гордыня через край хлещет.

- Жена принесла ему двойню: мальчика и девочку. Подошёл он к сыну. Тот плачет - заливаясь. Махнул рукой – не в его породу, а на дочку и смотреть не стал. Потомился он ещё малость дома и засобирався в дальние края.

Я это объяснила для себя так, что заскучал бравый казак на одном месте. Хотел герой признания и уважения от станичников, но ожидания не оправдались. Родительские слёзы и угрозы не помогли остановить сына-кормильца. Ему было неважно, каким образом будет жить и кормиться семья.

- Ничего, перемогите. Мне, – говорит, – здесь тошно за плугом ходить да косою махать. Чтоб я на это жизнь положил? У меня другое предназначение, — и уехал.

Носило Митяя в каких-то краях, и о родных он даже не вспоминал. Тем временем родители умерли, а следом и жена его. Дети-сироты при непутёвом отце по людям пошли, и следы их затерялись.

На этом обычно казачьи сказки и заканчивались, однако эта имела продолжение.

- Глядит на Митяя народ, хотя бы слезинку проронил, иль слово какое сказал. Вот твердокаменный! Сел Митяй на коня, и в галоп его пустил. Загнал верного друга до смерти. Бросил. Пошёл дальше пешки. Идёт, себя не помнит. Подошёл к омуту и говорит: «Эх, жизнь пустая. Ничего в ней не нашёл». И в омут головой бросился, а из омута сила неведомая его на берег вытихнула. По воде пузыри пошли. Вынырнул Водяной и говорит сердито: «Я тя знаю. Ты Митяй - казак бесстрашный. Ты мне здесь такой не нужен».

Отошёл Митяй от омута подале, упал на лугу. Трясёт его тело, водит и судорогами бьёт. То в жар, то в холод бросает. В какой-то момент забылся на час. Через сколько очнулся — не помнит. Ладонью по лицу провёл, а оно мокрое от слёз. С малства не плакал. И вот тебе! Сердце размякло и на душе потеплело.

Лежит Митяй и голубым небом любит, каждой травинке, каждой букашке радуется. Хрюснула ветка. Вздрыгнул Митяй — испугался. Обрадовался и решил, что теперь как все люди заживёт. Детишек найдёт и прощение попросит. Сомнение в себе почувствовал, и думы стали разные его одолевать. Родителей и жену вспомнил.

Однако мне совсем не верилось, что такой человек в один момент начнёт испытывать раскаяние. Такое только в сказке может произойти. Всё, что слышала когда-то о казаках, на самом деле несло некую долю реализма, хотя и называлось сказом или сказкой. Все ситуации основывались на реальных событиях с долей фантазии. Каждый рассказчик уже сам добавлял эту самую долю на своё усмотрение, но все они несли некий поучительный момент. Особенно если сказка заканчивалась очень печально.

Эта история не стала исключением. Наступил якобы момент, когда раскаяние взяло казачка за сердце. Именно тогда объявился Страх и Смерть. Вот тогда они и начали отыгрываться на Митяе за всю свою боль и унижение. Никто его слушать не стал и начала жизнь из бесстрашного героя уходить по капле. Страх помотал его по самым невероятным местам, навёрстывая упущенное ранее время. Но самым страшным для казака оказалась невозможность увидеть собственных детей и остаться без предания земле. Его бросили прямо у дороги на верную погибель.

Когда осталась последняя капля жизни в нём, по дороге этой ехали с сенокоса брат и сестра. Они подобрали человека, над которым уже кружили вороны, и уложили того на свою телегу. Митяй улыбнулся им и умер. Тело привезли на хутор, обмыли и похоронили.

- То и были дети Митяя, сын да дочь. Узнал их, видно, перед смертью отец, — закончил свой сказ дядька Степан.

Дальше мы ехали молча, погрузившись в собственные думы. Пищи для размышления сказка дала предостаточно, на всю дорогу хватит. А чего больше в ней — вымысла или правды?

«Сколько таких детей где-то там живёт без кормильца? Всё-таки как хорошо, что нашим гарнизонным солдатикам разрешили перевезти свои семьи, — выдохнула с каким-то злым облегчением и выкинула все дурные мысли из головы. - Не только Страх ходит рядом со Смертью, но и Жизнь. Только они никогда не встречаются».

Глава 3.

Хутор появился совсем неожиданно. Вот только было пустое место и вдруг появился между деревьями частокол из потемневших брёвен. На фоне голых белоствольных берёз, обозначенный очень отчётливо. Ранее мне никогда не доводилось бывать в таких местах, только в фильмах видела нечто подобное.

Само наличие такого защитного барьера уже о многом говорило. Мне стало сразу как-то волнительно и неуютно даже если есть вооружённого сопровождения...

«Нужно было брать, кроме верховой езды, ещё и уроки владения шашкой или нагайкой. Мушкет мне всё равно никто бы не доверил», — пришла запоздавшая мысль.

Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, и последний багряный отсвет позволил нам вовремя добраться до этого хутора на реке Саргатке. Снег делал это место гораздо светлее, а луна слишком хорошо подсвечивала округу. Только этот свет не давал уверенности, а скорее нагнетал жути своим голубоватым сиянием.

- Открывай! — зычный голос Сила Капитоновича разнёсся по округе. - Мы служивые, с Покровской. Прибыли проездом малым отрядом, — обозначил отсутствие злого умысла.

Гуска смотрелся величественно на своём жеребце, как и остальные казаки. Я понемногу выдохнула, настраиваясь на отдых. Даже сидя на облучке, сильно не расслабишься во время пути.

- Иду! Сей момент, — раздалось из-за массивных ворот с кованной окантовкой, но нам пришлось ждать ещё минут двадцать, прежде чем ворота начали двигаться.

Моё сопровождение спешилось и принялось переминаться в ожидании. Мужчины уже начали волноваться из-за нерасторопности хозяина, гадая, когда уже отворят ворота и запустят нас на свою территорию.

К вечеру стал крепчать морозец, а сейчас вокруг Луны начала проступать приметная дымка.

«Может, повезёт и непогода пройдёт стороной? Не хотелось бы задержаться в пути, — промелькнула мысль, но я от неё как-то слишком самонадеянно отмахнулась. - Наши казаки не в первый раз путешествуют в такое время года и сами всё прекрасно знают без моей подсказки».

- Проходите, служивые. Мы никого нынче не ждали, почтовый обоз прошёл пару дней как, — торопливая речь и суeta выдавали волнение хозяина, но это могла быть вполне обычная реакция на незнакомцев.

Небольшого роста, обросший мужичок был обряжен в замызганный чем-то тулуп и сразу вызвал у меня отторжение. Он чем-то напомнил лешака, а ни как не доброго хозяина этого места, куда периодически заезжают путники, чтобы остановиться на непродолжительный постой. Никогда мне не нравились неопрятные люди. Пусть одежда будет скромная, без излишеств и даже в заплатках, но она обязательно должна быть чистая и опрятная.

Мне представлялось, что в таком месте должно быть много народу, раз оно являлось своеобразной перевалочной базой для путников. Весь этот хутор со всеми его строениями нужно было кому-то обслуживать. Так где же остальной люд?

- Есть ещё кто-нибудь на постое? — поинтересовался Сил Капитонович, озвучив и мой немой вопрос. - С нами девочка малолетняя и ей бы отдельную комнату или угол.

Дядька Степан распряг лошадку из телеги и вёл её в конюшню к другим животным. Капель перебирала копытами, ожидая своей очереди, привязанная к телеге. Подошла к ней и погладила по морде, отдала недоеденный сухарик, который она с радостью приняла. Кто бы другой, а она никогда не отказывается от угощения.

Помещение конюшни расположилось почти у самого въезда вдоль ограды. Чуть дальше с правой стороны виднелась большая изба с высоким крыльцом и ещё несколько построек с навесами. Наш скарб остался стоять во дворе у большого амбара, покрытый подобием парусины, которая предотвращала промокание и скрывала наши сундуки, короба и баулы от чужих глаз.

- Нет нынче никого на постое. Одни мы со старухой остались, а сын со снохою и детками к родне подались. Проходите в избу, чем богаты, тем и попотчуете, — указал нам на избу. - Я здесь сам быстро управлюсь и корма лошадкам задам.

- Я помогу, — вызвался один из наших казачков, а я заметила недовольство мужичка, которое быстро сменилось на бесстрастный вид. - Не बारे мы, за своим боевым другом привычные ходить.

Мне было как-то не по себе в этом месте. Мы вроде как за этим частоколом должны чувствовать себя защищёнными, но внутри росло беспокойство. Волнение добавляли недовольные мяуканья Глори и Лаки, которым надоело и так всю дорогу сидеть взаперти, а теперь остановились, однако выпускать их никто не спешит. Вот они и решили напомнить о себе.

- Степан, помоги Марие снять короб с её зверями, да ступайте в тепло, а я здесь ещё потолкусь и на звёзды полюбуюсь, — дал распоряжение Гуска. - За девочку отвечаешь головой, — добавил чуть тише.

Поведение служивого было каким-то странным, никогда он раньше любовью к звёздам не отличался. Да и чего за мной смотреть в избе? Но, может, ему приспичило до ветру, а свидетели не нужны. Мне также хотелось оправиться, но прежде нужно было определить своих питомцев. Немного потерпеть ещё я вполне могла.

Разве с начальством спорят? Раз Сил Капитонович дал распоряжение идти в избу, то нам остаётся только подчиниться ему.

«Свои дела я сделаю чуть позднее», — приняла решение.

Степан Чернов подхватил переноску с котами и направился в указанном направлении, а я посеменила следом. Мы с этим служивым за время пути неплохо поладили, хотя в Покровской крепости практически с ним не общались. Он всё больше по разездам был и с казаками общался на их территории. Наш комендант крепости продолжал поддерживать добрососедские отношения с жителями ближайшего аула и его баем.

Дорожка к дому была забита снегом почти до самых буртов и уже изрядно утрамбована, будто бы всю зиму её тщательно очищали, а спустя какое-то время забросили это занятие. Сапоги с чунями на мне были высокими, но всё-таки набрать снега и промочить их не хотелось, поэтому старалась идти след в след.

С крыльца рассмотрела колодец с журавлём и большой огород, который распахан был до самого частокола.

«Много леса ушло на такую ограду, но в такой глуши это вполне оправдано», — пришла мысль, когда вспомнила завывания хищников.

Жировые лампы, подвешенные над столом и недалеко у входа, давали скудное освещение, но всё-таки позволили кое-что рассмотреть хорошенько.

Дом встретил нас тишиной и какой-то запуганной старушкой. Сухонькая сгорбленная женщина больше делала видимость, что хлопочет у стола и будто бы на нас не обращает внимания. Может, погружена была слишком глубоко в свои мысли? Она скомкала серый передник поверх чёрного застиранного платья какими-то рваными движениями и устала теперь на нас.

На самом деле в её затуманенных блёклых глазах плескался страх и боль, которые скрыть у неё не получалось. Стало сразу понятно, что здесь творится что-то неладное.

«Глаза человека врать не могут», — этот вывод я сделала очень давно, поэтому доверять своим ощущением могла в полной мере.

Можно назвать это чуйкой или интуицией, но дядька Степан также заметил состояние хозяйки, но постарался не показывать виду. Однако одной рукой потянулся до перевязи с оружием.

- Здравия, хозяйюшка! Примете нас на постой? - Чернов снял папаху и, как ни в чём не бывало, обратился к пожилой женщине. - Нас шестеро, да девочка малая с нами, — обозначил сразу количество постояльцев. - Где нам можно расположиться?

Убранство ничем особо не выделялось: просторная горница с русской печью почти по центру и ещё одной печкой для обогрева дальних комнат; длинный стол в углу под божничкой и лавками по краям; закуток, отгороженный холстиной; крючки под верхнюю одежду и пару высоких бадеек у входа под воду.

«Об отдельной комнате и мечтать нечего, а в закутке я и сама не останусь. Лучшие уж со всеми вместе», — приняла решение.

- Здравия, солдатик, — выдала чуть дрожащим голосом. - Проходите вон в ту комнату. Её специально для ночлега держим, — указала в сторону занавески, что прикрывала вход. - Сейчас скоро на стол соберу что Бог послал.

Мы прошли в указанное место. Очень смутил меня вид добротных половичков, которые были затоптаны и смотрелись совсем непривычно в этом случае. Снег с обуви мы смели ещё на крылечке и следов практически не оставляли, а дорожки были все в грязи. И где раздобыли в это время года? К тому же ни одна хозяйка не разрешит в грязной обуви или с грязными ногами топтать такую красоту. Работы на её создание уходило много, труд ткачихи кропотливый и не терпит суеты. А здесь явно полное неуважение к чужому старанию.

«Странно как-то всё, — крутилось у меня в голове. - Вроде дом добротный и ухоженным выглядит снаружи, а внутри грязно, словно нет здесь хозяйки. Что здесь происходит?».

Дядька подошёл к висящей лампе по центру и зажёл фитиль.

В комнатке расположены узкие топчаны в два яруса вдоль двух стен напротив друг друга. Человек двенадцать расположиться могут спокойно, правда дышать здесь будет нечем из-за скученности.

Такие были в гарнизонной казарме. Поверх лежат тюфяки, набитые сеном без шкур, одеял и подушек. Небольшое оконце затянуто пузырьём, зато не запотеваает и не обрастает наледью, как на стекле. У входа притулился небольшой сундук, с одной стороны, а с другой — табурет с бадеекой и кувшином внутри для умывания, рядом отхожее ведро под крышкой.

В помещении гораздо теплее, чем на улице, но и особой жары не ощущается, словно дом плохо протоплен.

«Вокруг лес, а они на дровах экономят», — промелькнула мысль.

- Не слишком уютные хоромы, но одну ночь перекантоваться сойдёт, — выдал заключение дядька Степан. - Выпускай своих зверей, а то они совсем одуреют. Тюк с твоей постелью занесу, в уголке тебя устроим со всеми удобствами. Я мигом, а ты никуда не ходи, — подался на выход, а я поспешила сделать свои дела и высвободить котиков.

«Фух, на улицу бежать не пришлось», — выдохнула с облегчением.

Чернов поставил короб на сундук, поэтому решила его здесь и оставить. Глори и Лаки поспешили выбраться из вынужденного заточения и принялись первым делом изучать пространство. Достала их миски и выложила мясо, которое заготовила порционно ещё загодя и теперь хвалила себя за предусмотрительность. Но мои питомцы не спешили бросаться на корм, а решили прежде проверить все лежанки.

«Сено мышами пропахло? Тогда они своё занятие так быстро не оставят», — вздохнула и принялась оборудовать им лоток. - *Воды им ещё нужно свежей поставить»,* — вдруг вспомнилось мне.

Я вышла из комнатки. Старушка выставила котелок с непонятным содержимым и кромсала буханку тёмного хлеба. Решила попросить дядьку Степана занести наши припасы, таким

скудным ужином служивые не утолят голод, а лишь раззадорят его. Последний раз мы плотно позавтракали у Елены Дормидонтовны, а в дороге лишь раз перекусили пирожками, запивая холодным взваром.

- Хозяюшка, где чистой воды можно набрать?

Женщина вздрогнула от моих слов и чуть было не присела здесь же на месте. В глазах застыл страх от моих слов.

«Что здесь происходит?» — в очередной раз задалась вопросом.

Вдруг с улицы раздался шум и пару выстрелов. У меня душа ушла в пятки, а старуха упала на колени и заголосила. Я такое только на похоронах видела. От её завывания у меня волосы встали дыбом и напал ступор. Стоило укрыться куда-нибудь от греха подальше, а я с места сдвинуться не могла.

Мои котики выскочили из комнаты и принялись метаться по всему дому. Только благодаря этому начала приходить немного в себя и усиленно соображать. Сердце заходило в груди от волнения и неведения, никак не хотело успокаиваться. На улице явно происходил бой, однако непонятно было, кто напал на хутор, который огорожен частоколом в два человеческих роста.

«Нужно что-то делать. А что делают в таких случаях?» — крутилось вихрем в голове. - *Где здесь в избе можно укрыться? Не на печь ведь лезть».*

- Цыц! Хватит голосить, — пришлось прикрикнуть на бабулю, чтобы успокоилась и призвать к порядку. - Где можно спрятаться?

Старушка опешила на мгновение от моего крика и замолчала, выпучив свои зенки. Дальше шустро соскочила и взялась сдвигать половичок под столом, обнажая крышку подпола. Такое резвости я совсем не ожидала.

Крышка откинулась очень легко и бабуся первой нырнула в темноту. Мои коты рванули следом за ней, а я успела высвободить лампу над столом. Благо сообразила взять её тряпкой, чтобы не обжечься ненароком. Сгребла по ходу половичок вниз и закрыла за нами крышку.

Подполье было огромным на всю площадь дома. Передёрнулась от свежести, но верхнюю одежду я снять не успела и сейчас радовалась этому факту. Здесь запросто можно было обустроиться со всем комфортом. Территория была поделена на несколько клеток и на одном из них висел огромный амбарный замок. Вот именно к этому замку женщина и кинулась в первую очередь.

- Его нужно открыть, — обернулась на меня, глянула растеряно. - Эти ироды Ксанку с детьми там заперли. Связали их и рты заткнули, чтобы помощь не позвали. Сколько дней уже глумятся над нами, а помощи ждоть неоткуда.

Сразу сообразить, что к чему не могла. Осознание приходило постепенно, словно волны прибоя. Так и меня прибило, когда поняла,, о чём толкует бабуся.

- Так, вроде почтовый обоз пару дней, как через вас прошёл, нам об этом тот лешак сказал, — пыталась найти что-нибудь подходящее, чтобы сбить замок. - Есть какой-нибудь камень или топор?

- Топоры и оружие всё отобрали давно, но в кадке с капустой есть груз, — кинулась в другую клеть. - Может, и сгодится. Эти каторжники капусту не больно-то жаловали, они всё больше на мясо налегали, — выдала со злостью в голосе. - Обоз стороной прошёл, они у нас нонче не задерживались.

- А где ваши мужчины?

Мы старались разговаривать потихонечку, но вопрос старушка слышала. Она вышла с довольно-таки крупным голышом в руках и протянула его мне, глядя в глаза. Лампа плохо освещала, но горящие глаза женщины я увидела. Наверху будто бы был совсем другой человек, а не эта решительная бабуля.

- Сеньку сразу придушили. Он пытался нас предупредить, да не успел, — голос женщины заметно дрожал. - Жену его насильничали, и она вздёрнулась, не захотела с позором на этом свете оставаться. Даже грех её не остановил. Их так вместе в амбар на холод и определили, — смахнула слезу и продолжила. - Сынок с отцом и внуками заперты в бане сидят. Мальчишек выпускают только для управы скотины и дрова с водой в дом натаскать, а у старших руки и ноги зашиблены. Не работники они теперь, — вздохнула с затаённой тоской, но уже не плакала.

Ситуация складывалась нехорошая...

Обхватила голыш двумя руками и принялась бить чуть ниже дужки, чтобы выбить ось и открыть замок. Портить такую шикарную вещь было жалко, но запертых людей ещё жальче.

На улице ещё изрядно шумели, поэтому быть обнаруженными мы пока не боялись. А что делать потом?

Как только замок оказался на полу, старушка рванула дверь на себя и открыла её настежь. Я взяла лампу, чтобы подсветить пространство...

На мешках лежала связанная женщина. Сразу определила в ней коренную жительницу Западной Сибири со смесью черт, присущих европейцам и монголам. Коренастая, на вид лет тридцати, но я могла и сильно ошибаться с установлением возраста. Тёмно-русые волосы расчёпаны, а на грязном лице видны дорожки от слёз. Рот закрыт какой-то тряпкой. Но даже несмотря на всё это, женщину вполне можно было считать миловидной. Серое платье в пятнах и рваное в нескольких местах. К ней жались ребятишки-погодки не старше семи лет, почти полураздетые и очень похожие на мать внешностью. При нашем появлении у всех в карих глазах застыл ужас, а затем появилось и облегчение, когда признали бабулю.

С узлами на верёвках справились мы ловко, а вот согреть пленников быстро не получалось. Пожилая женщина металась по подполью и собирала разное тряпье. Первым порывом было снять свой тулуп, но я остановила себя. Здравый смысл подсказывал, что этого делать не стоит.

Мы упустили момент, когда снаружи установилось затишье...

- Там у задней стены есть лаз во двор, — указала направление Ксанка, как обозначила простоволосую женщину старушка. - Можно через него выбраться, а там и в лесу схоронимся.

«И что дальше? Куда мы с детьми в мороз на ночь глядя подадимся? В том лесу и сгинем все вместе. Явно голова у бабы плохо работает», — выдал мозг с возмущением на бестолковое предложение.

- Мария, ты где? Выходи, всё уже обошлось, — услышала голос Сила Капитоновича. - Твоя помощь требуется.

Послышались шаги над головой, и сомнений не осталось, что наши служивые вошли в избу. Их сапоги подбиты особым образом и по дереву выдают характерный звук. Раньше это лишь отмечала вскользь, а теперь вышла хорошая примета. Можно больше не хорониться, а выбираться из подпола.

- Это наши покровские солдатики, от них худого не будет, — стала подниматься наверх по скрипучей лесенке. - Лаки, Глори, вы где? Пойдём есть.

На слове «есть» эти мохнатые задницы рванули вперёд меня. Я даже не успела до конца открыть крышку подпола.

- Вот вы, где, со зверями схоронились, — Чернов помог мне подняться из-под стола. - Молодец, верное тактическое решение, — вроде как похвалил меня за сообразительность.

- Там женщина с детьми и старушка, — указала на чернеющий лаз. - Их связанными в клетушке держали какие-то каторжане.

- Матюха, помоги выбраться, — дал указание одному из солдатиков, что крутился у печи. - Мы этих каторжан всех порубали, — выдал уже с какой-то злостью в голосе, благо эти чувства направлены не на меня. - Ты глянь там, Мария Богдановна. Сеньке досталось вскользь, но лучше рану сразу обработать, пока зараза не попала.

- С правой стороны за облучком сума стоит и коробушка небольшая. Пусть несут в дом, — попросила и напрямик направилась в комнату. - Вода ещё нужна будет кипячёная, а остальное у меня имеется.

Арсения уже успели раздеть по пояс и усадили под самой лампой по центру комнаты. Рана хотя и была неглубокой, но ворсинки одежды попали внутрь. Теперь предстояло хорошо всё очистить и наложить несколько швов.

Наука Михаила Парамоновича не прошла даром. Афанасьев будто бы готовил меня в помощники лекаря, поэтому не только дал свои книги для изучения, но и обучил всем доступным премудростям гарнизонного лекаря. Сделать перевязку, наложить швы и шины, сделать компресс и приготовить примочки я могла ничем не хуже него. Собиралась в поездку я с особой тщательностью, поэтому и вещей вышло на целый возок. Кто его знает, что ожидает меня на новом месте? Запас трав, некоторых мазей и настоек у меня имелись с собой, а перевязочный материал готовила с запасом уже давно самостоятельно, как только стали регулярными женские дни.

Помощь пришлось оказывать старичку и мужчине, которых вызволили из заточения. Мужчины были очень похожи внешне с крупными чертами лица, коренастыми и мускулистыми. Старшие мальчишки пошли в отцовскую породу. Они оказались таким же телосложением и тёмным цветом волос.

Всем нуждающимся наложила повязки и оставила им несколько сборов для укрепления организма. Не так страшны их травмы оказались, как обрисовала бабуля. А, может, это моё воображение уже само нарисовало более тяжёлую картинку повреждений.

Мальчишки лет десяти и четырнадцати сразу кинулись к матери, как только вошли в дом. Ещё какое-то время слышны были всхлипывания и тихие разговоры из их комнаты. Люди были слишком подавлены и значительно истощены.

Гуска принял решение не задерживаться, а по прибытии в крепость, доложить об инциденте. Пусть начальник этой подведомственной территории сам решает, куда определить все трупы и что делать дальше. Оказывается, каторжане уже около месяца были в розыске, а теперь нашли свою смерть от руки наших солдатиков.

Сил Капитонович сразу заметил неладное, как и остальные наши казачки. Поэтому не спешили сразу в избу, а остались проверить обстановку и выставить пост.

Если бы беглые каторжники не заволновались и не обозначили себя раньше времени, то утром мы могли бы уже и не проснуться. Нас бы перерезали по-тихому во сне и сложили рядышком с семейной парой работников в холодном амбаре.

«Лихо одну беду нажать, а та беда другую наживёт. Чур всех нас! — постаралась незаметно плюнуть через плечо. - Не хватало только, чтобы эта беда привела к нам другую».

Поздний ужин закинула в себя почти спящей. Обустроила себе место на нижнем топчане у окна и погрузилась в сон, обложенная котами с двух сторон.

Завтра будет новый день, а этот забудется как страшный сон...

Гораздо больше визуалов в моей группе VK

Глава 4.

Утро началось слишком рано, но чувствовала себя я вполне отдохнувшей. Молодой организм восстанавливается быстро.

Нас ждала дальняя дорога...

- Может, останетесь, Сил Капитонович? — в голосе хозяина хутора ощущалось явное беспокойство. - Буран с обеда сильнее разыграется, а вам до следующей стоянки ещё далече. Непогода с пути запросто свернёт, а места у нас глухие и встречается всякое.

Мне вдруг показалось, что старик ещё что-то хотел сказать, но умолчал. Только бы не о стаях волков, которых было в избытке и в окрестностях Покровской крепости. Но у нас мужчины за зиму хорошо прореживали их, а здесь и народу-то нет, вот хищнику и раздолье. Обычно в те года, когда было много косуль и зайца, следом плодились и волки.

Сегодня хуторяне выглядели гораздо лучше и уверенней прежнего, хотя пленение оставило явный след не только на физическом здоровье. В глазах у них ещё долго будет таиться страх и боль.

В доме навели порядок, и на завтрак нас ждала горячая сытная каша со свежими пирогами и вкусным взваром из лесных ягод. Женщины будто бы совсем не ложились спать и хозяйничали до утра. Старшие мальчишки сутились по двору, вычищали дорожки и хлев, а младшие усилено им помогали или только делали вид активной работы.

- Мы бы рады задержаться, Поликарп Матвеевич, но нет у нас такой возможности, — выдал Сил Капитонович в своей привычной суровой манере. - На обратном пути наши заглянут к вам на постой и справятся о делах, а мы далече двинемся. Берегите себя и своих близких, — приобнял старика на прощание, словно родного человека.

Дальше была дана команда: «По коням!».

За постой хозяева не взяли с нас ни медяшки, а докинули мешок зерна в знак благодарности за освобождение. Гуска пытался отказаться, так как люди и сами жили не слишком богато, но не решился обидеть старика.

Эта семья больше двадцати лет назад обосновалась в Сибири. Здесь единственный сын взял в жены сибирячку. А я себя поймала на мыслях, что информация из проверенных источников очень много значит в любые времена и в любой реальности. Если бы знали эти люди точно, в каком месте будет проложен тракт, разве они попали бы в такое положение?

«А ведь у нас деревня начала разрастаться также благодаря новой дороге, а следом и переселенцы потянулись», — пришло понимание.

Закладывался хутор изначально в качестве постоянного двора, но поток людей был слишком малочисленным и ожидания не оправдались. Основной оживлённый тракт проходил почти на полторы сотни вёрст севернее через Тарскую крепость.

Хуторяне, может, и рады были бы перебраться ближе к людям, только сил и средств для переезда у них уже нет, да и жить натуральным хозяйством семья давно привыкла. Благо в семье народилось аж четверо мальчишек-помощников, а мать их молода и нарожает ещё кучу ребятишек.

«На новом месте они так уже не обустроятся и столько свободы никто им не даст, — сделала выводы из услышанного и увиденного своими глазами. - Мальчишки подрастут совсем скоро и приведут работниц в семью. Места здесь у них много».

Редкие постояльцы оплачивают нехитрый постой, на то и закупают недостающее. Лес даёт богатые дары — тем и живут. Осваивают рыбный и охотничий промыслы, пару раз в год ездят на торг.

Такова жизнь в это непростое время... Кто-то довольствуется и малым...

Чернов и раненый Калюжнов были отправлены с донесением в Омскую крепость ещё затемно. Следовало до конца разобраться с беглыми каторжанами и их жертвами, долго держать тела в амбаре нельзя. Резкое потепление весной — это явление довольно частое и непредсказуемое, поэтому следовало поторопиться.

«Почему я решила, что эта территория находится под надзором Тарской крепости? Наверняка карта районов в моей реальности может не совпадать с нынешней. Сколько раз районы объединяли или, наоборот, дробили по каким-то непонятным признакам. К тому же Омская крепость всего на расстоянии дневного перехода», — промелькнула мысль с сожалением о потере хорошего компаньона и рассказчика в лице дядьки Степана.

Дальше наш путь пролегал до Тарской крепости, но расстояние до неё за один день мы не преодолеем. Предполагалась ночёвка в небольшом поселении на берегу Иртыша приблизительно около девяноста вёрст отсюда, но непогода могла запросто помешать замыслам нашего командира, поредевшего на двух бойцов отряда. Лошадкам через снежные заносы двигаться будет сложнее, поэтому скорость нашего движения явно замедлится.

Ночевать в лесу под открытым небом мне не хотелось. Это служивые, привыкшие ко всему. Некоторые на посту умудряются хорошо отдохнуть, а я привыкла к комфорту, хотя бы малому. Только меня никто не будет спрашивать. Где придётся, там и буду обустраиваться на отдых.

Как только мы выехали из-за частокола, стало понятно, о чём предупреждал хозяин хутора. Лёгкая позёмка уже намечала перемёты на накатанной и местами просевшей дороге. Солнце находилось словно в густой дымке, обозначая себя ярким пятном.

Нам следовало поторопиться...

Надежда на то, что непогода обойдёт нас стороной, не оправдалась. Приметы слишком верно работали, но я надеялась на опытность воинов. Уверенность Сила Капитоновича не позволяла сомневаться в его решениях. Он ещё в Покровской крепости показал себя толковым казаком, хотя до чина не дослужился в свои полные тридцать пять лет. С другим человеком я бы прежде подумала — ехать в Тобольск или нет, а ему доверяла безоговорочно. Однако беспокойство внутри меня только росло с каждой пройденной верстой.

- Не растягиваться, — слышался зычный голос командира впереди. - За логом движемся прямо, немного срежем путь.

Капель резво бежала за телегой на полозьях, которую запросто можно будет поставить на колёса, если возникнет такая нужда.

- Марья Богдановна, команду слыхала? — поравнялся со мной Владимир Жирнов. - Не отставай, выйдем к реке и прибавим ходу.

Этот солдатик был из последнего пополнения. Совсем молоденький, по сравнению с другими казачками. Вечно заигрывает с девушками, но холостяку пока позволительно такое поведение. Светло-русые вихры и задор в голубых глазах не одну пленил, но определиться с выбором супруги не спешит. Баловство родители девушек не допустят, так что недолго ему осталось в хлопцах бегать. Это нашим мужчинам ещё повезло, что в поселении женщин много, по другим крепостям дефицит женского пола уже давно обозначен.

- Так, по реке, вроде, путь дальше выйдет, а Сил Капитонович дорогу срезать собирался, — не могла пока понять мужской логики.

С другой стороны, поселение, в котором нам предстоит остановиться на ночлег, располагается на берегу Иртыша. Так что выбор маршрута был вполне оправдан.

- Вёрст тридцать маршем пройдем и выйдем в нужное место. Мы в прошлом году здесь проходили, так что не бойсь, — попытался мне подмигнуть, но папаха съехала у него почти на глаза от резкого порыва ветра. - - Правда, осенью и теплу это было, — чуть усмехнулся и поправил головной убор.

Несколько раз нам пришлось пересечь лог с замершей небольшой речкой на дне. Внизу ветер почти не ощущался. Рельеф местности заметно менялся. Всё чаще стали встречаться небольшие взгорки и ложбины, поросшие дикой ежевикой. Стали преобладать сосны и ели с мелким подлеском. Берёзовые и осиновые стволы на опушках теперь были редкостью.

Из-за усиливающегося ветра со снегом, пришлось прикрыть лицо и плотнее закутаться. Это хорошо ещё, что на мне плотные штаны с поддёвкой и высокие сапоги с тёплыми чунями. Только Жирнову непогода была словно нипочём. Он держался совсем рядышком, сыпал разными солдатскими байками и шутками. Замолкал лишь ненадолго, когда осознавал, что эта шутка или рассказ был совсем не для девичьих ушей.

«Чего такого в нём наши девушки находят? Вроде молодой ещё, а держаться с девушкой не умеет, — росло понимание. — Несёт разную ахинею. Какая нормальная за такого замуж пойдёт?»

Капели такая погода также не нравилась. Поэтому сильнее склоняла морду, чуть сильнее натягивая поводья. В какой-то момент поняла, что лошадь стала глубже проваливаться в снег, словно нет у неё под копытами накатанного наста. Да и снега здесь оказалось значительно больше, а весной даже не пахнет. Приходилось напрягаться, чтобы самой не кувыркнуться через лошадиную голову. К тому же животное запросто может повредить ноги или копыта на такой дороге.

«Стоило, наверное, послушать Поликарпа Матвеевича. Никто нас, вроде, не гнал и сроков строгих не устанавливал. Хотя пакет Силу Капитоновичу командир гарнизона вручал с каким-то наказом», — крутила в голове, боясь упасть с каждым шагом Капели.

- Стой, — послышалось зычно откуда-то впереди, и повозка перед нами остановилась.

- Спешиваемся, — помог мне выбраться из седла Жирнов. - Дальше пешим ходом, значит, пойдём.

Только сейчас поняла, насколько мои ноги были напряжены и почему спина начала ныть, хотя верхом я держалась уверенно очень давно. Свои регулярные тренировки с Нечаевым и выезды я не оставляла — это была моя отдушина от всех огородных и заготовительных дел.

Наш небольшой отряд не прошёл и половины от намеченного...

Вдруг стало понятно, что мы случайно сбились с дороги. Не могло за такой короткий период нанести столько снега, да и деревья посреди наезженного пути не растут. Теперь и для повозки приходилось выбирать проход, чтобы протиснуться между стволами.

Никто из нас не роптал, смысла искать виноватого не было. Теперь осталось понять, что делать дальше. Шагать рядом с лошадью было непросто. Хотелось снять мешавший тулупчик или распахнуться из-за внезапной жары. Одно дело — сидеть верхом и особых усилий не прилагать, стоив приноровиться к шагу лошади. И совсем другое — задирать ноги повыше, чтобы преодолеть намёты. Это старый снег уже хорошо слежался и превратился в плотную корку из-за недавней оттепели, а свежий сносит, образуя настоящие барханы.

Иногда нога запиналась за ветки или скрытые коряжки, ступать приходилось очень аккуратно и не сразу переносить тяжесть тела на ступающую ногу.

- Мария, может, в повозку заберёшься? — предложил Сил Капитонович. - Нам ещё долго идти, выбежешь из сил.

- Спасибо, но я ещё немного пройду. Во мне хоть весу не так много, но полозья совсем утопнут в снегу, — не стала соглашаться, а сразу решила разъяснить свою позицию.

- Я пригляжу за ней, — предупредил Владимир. - Как только замечу, что сбавила ход, так в повозку и отправлю.

Может моим котам соседство со мной и понравилось бы, но быть обузой мне не хотелось. Я уже не маленький ребёнок и, несмотря на мою внешнюю хрупкость, силёнок во мне было ещё достаточно. Пусть по спине сейчас пот бежит, но ход стараюсь не сбавлять, а на стоянке я обязательно переоденусь в сухое бельё.

Сделали небольшой привал на перекус, и то думаю, что это из-за меня его организовали. Мы подъедали пирожки, что взяли с собой в дорогу. Даже холодными они зашли очень хорошо, как и ягодный взвар.

Передышка помогла мужчинам определить направление нашего дальнейшего движения. Я вообще не понимала, каким образом можно в такую погоду ориентироваться. Сил Капитонович вёл нас по какому-то своему маршруту, при этом никто не выговаривал ему о сбившемся пути.

- Мария, погодь, — остановил меня Жирнов. - Давай я тебя верёвкой к себе привяжу, чтобы не потерялась, — предложил мужчина, а я не стала спорить.

«Кто бы спорил, но только не я. Не хватало только заблудиться в лесу», — промелькнула мысль, а разговаривать сил уже не было.

Даже у Владимира закончились все шутки и прибаутки. Причин для веселья у нас теперь не было...

Животных также связали в одну верёвку, хотя мы и так вели их под уздцы...

Стало заметно темнеть, а буран лишь усиливался. Видимость и так была плохая, а теперь на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Ноги передвигать было всё труднее и труднее. Я уже была готова забраться в повозку, так как сил почти не осталось. Лошадей было очень жалко, но...

- Стой! — вновь раздалось впереди. - Там стойбище... остой... дорога...

Ветер сносил слова, но общий смысл был понятен. Мы натолкнулись на какую-то стоянку, и есть возможность обратиться с просьбой о помощи. Мне уже было всё безразлично, хотелось лишь притулиться куда-нибудь свою тушу и не шевелиться. Тело уже начало подстывать несмотря на физические усилия.

Когда мы прошли ещё чуть дальше, то оказались на какой-то поляне. Буран здесь хозяйничал чуть меньше из-за плотных рядов елей, которые окружали достаточно просторную площадку. Мне никогда раньше не доводилось видеть чум, но эти конической формы большие шатры были именно ими. Спутать их ни с чем не возможно, даже если никогда не видел живую. Они отличались от казахских юрт с куполообразной крышей и сборным каркасом — это торчащими сверху жердями и своей особенной формой; через верх у них вился лёгкий дымок. Перед нами на поляне возвышалось четыре самых настоящих шалаша в форме конуса — чума. Сверху они были плотно покрыты шкурами, а понизу большими кусками бересты, которую, скорее всего, использовали для изоляции от сырого снега.

Чуть в стороне оборудовали загон из жердей с просторным закрытым навесом для животных. Только рассмотреть обитателей у меня не получалось. Из-за непогоды все животные попрятались. Однако предположила, что это могли быть олени. Только никогда не слышала, чтобы для них строили специальные укрытия.

Мой мозг отказывался соображать из-за сильной усталости, поэтому всё отмечала краем сознания.

«Обо всё я подумаю завтра, когда хорошенько передохну», — проползла еле живая мысль, а не промелькнула, как обычно бывает.

Из одного чума на встречу к нам поспешил человек небольшого роста. Свободная шуба до колен и высокие меховые унты не затрудняли его движения по сугробам. До нас он добрался очень быстро, за какие-то две минуты.

Почувствовала на плече руку, а затем меня освободили от верёвки. Даже Капель будто бы вздохнула с облегчением, но это мне запросто могло и померещиться.

Лица человека я не разглядела из-за сумерек, но заметила, как он указал мужчинам на загон, а затем на один из чумов.

- Фух, значит, нам разрешили переждать у них непогоду, — как-то слишком задумчиво, но с явным облегчением, выдал Жирнов.

- А что, обычно не разрешают? Я вообще не думала, что здесь живёт этот народ. В книге читала, что коренных жителей Сибири почти не осталось, — развернулась к Владимиру в ожидании ответа.

- Верно. Их мало осталось, и особым гостеприимством они не отличаются, но в нужде никому не отказывают, — говорил будто бы с неохотой. - Ещё бы определить, куда нас занесло и далеко ли до Тарской крепости. Но с этим Сил Капитонович разберётся, на то командир наш нынче.

Не знаю, откуда у меня появились силы. Словно эта небольшая передышка согнала всю усталость и апатию, только я стояла на одном месте и озиралась по сторонам.

Когда ещё появится такая возможность побывать в стойбище?

Мужчины принялись распрягать и определять наших лошадей под навес, им сегодня пришлось очень тяжело. Какими бы ни были выносливыми животные, но им также требовался хороший отдых после трудного перехода в буран.

С повозки достали овёс, а Владимир подхватил короб с моими котами и повёл меня в указанный чум. Я подхватила сумку с корзиной и последовала следом.

- Переждём непогоду здесь, а затем двинемся дальше. Ты давай, Мария Богдановна, располагайся, — сожаление в голосе мне не послышалось, оно буквально чувствовалось. - Всё же лучше, чем в сугробе под открытым небом.

Внутри горел очаг, обложенный крупными глыбами. Почти таким же камнем я сбивала замок в подполье на хutore. Над очагом парил котелок литров на десять, но вода не кипела. Связка дров и несколько крупных обрезков стволов лежали чуть в стороне от огня.

По всему периметру был разложен лапник, а поверх уложен войлок. У одной из стенок свёрнуто несколько крупных оленьих шкур. Опознала их по характерному серебристому цвету и особому остистому меху. Поверх небольшого сундука стояла горка деревянной посуды.

Жирнов поставил корзину и пошёл на выход, а я осталась хозяйничать. В первую очередь нужно было уделить время котам, им также пришлось нелегко сидеть долгое время взаперти. Они к такому не привыкли, в Покровской крепости им было раздолье. Затем требовалось приготовить горячий ужин, припасы у нас были с собой. А также нужно организовать место для сна, кровати или нары в чуме не предусмотрены.

Вдруг откинулась шкура на входе, и вошёл парнишка. Теперь я это могла определить точно, даже несмотря на скудное освещение всего лишь от очага. Светлокожий, с тёмными глазами и русыми вихрами, чуть ниже среднего роста и коренаст. Отдалённо напоминал жителя Крайнего Севера, но имел в облике больше европейских черт. При этом его глаза лучились любопытством.

- Бабушка просила передать, — протянул мне в руки большой кусок замороженного мяса. - Сегодня уже отдыхайте, а завтра она с тобой хочет поговорить. Всё равно дорога для вас пока закрыта. Кости так показали, — развернулся шустро и вышел, а я не успела задать ни одного вопроса.

При чём здесь какие-то кости? Почему дорога закрыта?

«В объезд, так к обеду; а прямо, так дай бог к ночи, — вспомнилась народная мудрость.

- Так и у нас вышло. Хотели срезать путь, а занесло непонятно куда».

Глава 5.

Буран не стих и на следующий день, будто бы сама природа противилась нашему дальнейшему пути. Поэтому Гуска принял решение задержаться в стойбище. Рисковать людьми и животными Сил Капитонович не хотел. К тому же выяснилось, что мы каким-то необыкновенным образом оказались на другом берегу Иртыша и значительно ближе к Тарской крепости, чем рассчитывали. Если можно было допустить, что мы перебрались через широкую реку и не заметили этого из-за плохой видимости. То, как объяснить наше перемещение более чем на сто вёрст?

Сомнений в словах сибиряков у казаков не было. Если верить старшим мужчинам этого небольшого стойбища, то мы где-то в районе одного из пяти древних озёр, окутанных тайной и почитаемых коренным населением. Их названия, кроме Шайтан-озера, мне ничего не говорили, но наши мужчины сильно озадачились. Они строили разные версии этого события, но никаких внятных объяснений не находили, а списывать всё сразу на мистику опыт прожитых лет не позволял.

«То, что нынче считают мистикой, совсем скоро может стать научной реальностью. Видели бы они сейчас машины или самолёты. Только мы этот путь пешим ходом прошли и с черепашьей скоростью из-за пересечённой местности», — промелькнула мысль.

На самом деле я уже была готова поверить во всё что угодно, так как сама мистическим образом переместилась в своё время в эту реальность и почти на три сотни лет от привычной жизни. Только приняла когда-то решение, что рассказывать об этом не стоит — нельзя будоражить умы людей, которые к этому не готовы.

Пока служивые осознали и переваривали всю эту информацию, уже знакомый парнишка пригласил меня на встречу с его бабулей. Отказываться было неудобно, тем более мужчины и коты мои были накормлены и обижены. Свободного времени было много, а гулять при такой погоде не больно-то и хотелось.

«Почему бы и не уважить пожилую женщину? Тем более, такой опыт навряд ли даётся каждому. Так и время быстрее скоротает за интересной беседой», — приняла решение.

- Өр кэтэспиппит, ол гынан баран иччилэр хаһан да сыыспат (*Долго ждали, но духи никогда не ошибаются*), — словно проскрипела старуха, а мне от этого голоса стало как-то не по себе.

- Бабушка Абига очень рада, что вы добрались до нашего стойбища живыми, — перевёл мне слова парнишка. - В такую погоду умный человек в лес не пойдёт, а немного переждёт. Даже зверь по норам попрятался.

Я поздоровалась при входе и уселась по-турецки на указанное мне место. В воздухе витал запах благовоний и ещё какой-то особенный и специфический, только распознать я его не могла. В нашем чуме пахло только хвоей и костром, словно до этого никто в нём не обитал.

Скуластое лицо женщины уже испещрено морщинами, но не как печёное яблоко, как бывает у совсем древних старух. Седые длинные волосы заплетены в тугие косы и украшены множеством ярких бус, крупным бисером и камешками. Украшения смотрелись интересно и совсем аутентично. Раньше таких видеть мне не доводилось. Одежда больше напоминала мужскую, только богатая вышивка из тех же материалов, что и украшения, могли быть только у женщин. Тонкие губы при моём появлении растянулись в скупую улыбку. При этом яркие карие глаза были немного прищурены и отражали языки пламени очага. У меня вдруг появилась ассоциация с чёрной лисой, которую я сама себе не смогла бы толком объяснить, но она ярко возникла в голове при виде этой пожилой женщины.

- Наһаа санарыма! (*Ты лишнего много не болтай!*), — сказано было очень резко и без особой радости.

- Абига-ага раскидывала кости и говорила с духами. Они ей сказали, что ты выполнила своё предназначение и они могут выполнить одно твоё желание, — мальчишка указал мне на какие-то белые камешки, которые были разбросаны перед женщиной на чёрном платке.

Чем больше на всё это смотрела, тем больше понимала, что эти самые камешки и есть кости животных, по которым гадала эта шаманка. Сомнений совсем не осталось в том, перед кем я уселась.

«Такие я видела, когда разделявала лытки на холодец, — промелькнула мысль. - А тётка Алтын гадала всегда на бараньей лопатке».

- Дьиэһэр барыаххын баҕараһын дуо? Бу сир ураты уонна тыыннар көмөлөһүөхтэрин сөп. (Хочешь вернуться домой? Это место особенное, и духи этих озёр могут помочь.), — меня словно пронизывал насквозь взгляд этой женщины.

- Если ты захочешь, то можешь вернуться домой. Озёрные духи тебе помогут исполнить это желание, — как-то вздохнул тяжело мальчишка и выдал с неохотой.

У меня вообще закрались подозрения в верности перевода этим парнем, только язык был совершенно незнакомым. Казахский в быту я более или менее понимала, хотя многие слова были недоступны мне для произношения. Алтын всегда веселилась, когда я пыталась что-то сказать на родном ей языке. Здесь, вроде, и звучали специфические звуки, как и в казахской речи, только знакомые слова совсем не попадались.

Дальше мальчишка поведал мне легенду о священных пяти озёрах, которые не раз спасали его соплеменников от голода и болезней. Самым волшебным было именно Шайтан-озеро. Духи этих мест могли исполнить желание или просьбу человека, если его душа не несла в себе черноту. Но такое случалось уже очень давно, хотя его бабушка не теряет надежды и веры в возрождение своего народа. Якобы об этом ей нашептали духи. Она одна из последних шаманов, способная с ними разговаривать.

Я уже смутно помню легенду о Пяти озёрах своей реальности, которые скрыты в глухой сибирской тайге. Сохранились лишь названия: Данилово, Ленёво, Шайтан-озеро, Щучье и Потаённое. Но я совсем не ожидала услышать отголоски этого поверья в этом стойбище от старой сибирячки.

Мне больше запомнились две гипотезы, которые выдвинуло научное сообщество. И то, только потому, что слишком эмоционально оппоненты доказывали свои версии. Интересно было наблюдать со стороны за великовозрастными мужами, который с пеной у рта доказывали свою правоту, не слушая аргументов друг друга. Для себя я также отметила факт, что очень много материалов собиралось энтузиастами-любителями и местными жителями, которых волновала судьба водоёмов.

По одной из версий много тысячелетий назад небесное тело, падая, раскололось на пять кусков и ударилось о землю. В этих котловинах, образованных после удара метеоритов, и образовались озёра.

По другой версии, эти озёра возникли после отхода ледника. Более подробно изучалось в этом плане Данилово озеро, так как вызвало наибольший интерес учёных благодаря своей уникальности — в озере сошлись гидрологические системы разных возрастов. Туристов особенно сильно привлекали серо-зелёные глины неогеновой (неогеновый период) породы, которыми они любили обмазываться.

Мне всегда была непонятна любовь людей к таким процедурам и отсутствие чувства самосохранения. Кто его знает, какую опасность могут таить в себе все эти материалы? Изучались эти породы на наличие патогенных бактерий или вредных химических соединений? По крайней мере, о таких исследованиях я ничего не знала, хотя вполне возможно, что публично озвучены они просто-напросто не были.

Данилову озеру приписывали также лечебные свойства. Среди местных фольклористов ходила легенда о якобы затонувшей телеге с серебром некоего купца Данилы. Этот факт объяс-

няет его название и высокий уровень серебра в его воде. Не вызывают доверия и рассказы, что эту воду будто бы возили для оздоровления Косыгину и Брежневу.

Сотрудники СибАДИ и Всесоюзного астрономо-геодезического общества в середине 80-х годов прошлого столетия проводили химический анализ воды и пришли к выводу, что нет никаких доказательств особых целебных свойств этой воды.

Утверждали, что озёра соединены друг с другом подземной рекой. Воду в Даниловом и Ленёвом начали называть «живой», а в Шайтан-озере признали «мёртвой» из-за скрытого якобы в нём храма бога Ханумана. Некоторые личности утверждали, что именно здесь расположено одно из мощнейших мест силы нашей планеты.

Эти территории умудрились прославить настолько, что потянулись к ним туристы и паломники со всех мест, которые смогли загадить окрестности настолько, чтобы это стало серьёзной проблемой.

«Хорошая была задумка для развития региона, только как всегда, подкачало исполнение, — не раз возникала мысль после очередного доклада на заседании РГО. - Нужно было развивать инфраструктуру этого района, тогда бы и таких проблем не возникло».

Вот и сейчас я сидела под пытливым взглядом шаманки и её внука, пыталась осознать выдвинутое предложение.

Стоит ли связываться с Духами и просить их о чём-то?

Какова вероятность, что я вернусь в свой мир и в свою реальность?

Гарантии требовать как-то неловко, но страх никуда не денешь. Я хорошо помню свой сон, в котором мне показали мои собственные похороны. Близкие успели оплакать, менять и получить моё наследство.

Так куда собралась отправлять меня эта старуха?

Что меня ждёт дома?

Смогу ли я жить там, как прежде?

- Выйди, — вдруг скомандовала внуку бабушка на вполне понятном русском языке. - Мне нужно с ней переговорить с глазу на глаз.

Парнишка подчинился молча и направился на выход, лишь усмехнулся на прощание при взгляде на меня. Представляю, как я выглядела со стороны с разинутым ртом и выпученными глазами...

- Я знаю твой язык и твои мысли. Зря сомневаешься, — вздохнула как-то обречённо и подкинула дров в очаг. - Духи не каждому дают такую возможность, а тебя уважили и мне наказали вам помочь.

- Так это мы из-за вас здесь оказались?

- Вас привели сюда Духи, хотя ты и не веришь в них, — замолчала ненадолго, словно погружаясь в себя, а затем продолжила. - Вашего Бога тоже никто не видел, но многие в него верят. Только в тебе этой веры совсем нет. Ты другая.

- Я верю, — вдруг захотелось идти наперекор её словам. - Человеку нельзя без веры.

- Но твоя вера не связана с тем Богом, о котором все говорят и когда-то пытались привести мой народ к его стопам, — прозвучало слишком обвинительно и неприятно. - Много крови собрал он себе в дар. Только дух нашего народа не переломить, нам помогают Духи этой земли и рода.

Мне было понятно, о чём говорит эта женщина. От её народа остались сушие крохи в результате освоения этих земель, но в том не было моей вины. Только всё равно её слова отдавались болью в душе. Ещё когда читала «Истории Сибири», то как бы между строк проскальзывало сожаление о слишком грубом вмешательстве в жизнь коренных народов. Множество смертей можно было избежать, правда, времени на освоение этих территорий ушло бы гораздо больше. Не все первопроходцы хотели и могли договариваться с народами, имеющими отлич-

ное от их мировоззрение и вероисповедание. Мы стали гораздо терпимее намного позже, а пока пожинали плоды собственных ошибок. Этот урок дался многим очень тяжело.

- Я не хочу возвращаться домой, — твёрдо озвучила своё решение. - Про предназначение мне никто ничего не говорил. Я просто жила и живу по своему разумению, стараюсь делиться своими знаниями.

- Но ведь у тебя есть мечта? Духи могут тебе помочь, — говорила таким голосом, словно пыталась меня на что-то соблазнить.

Сейчас это была не лиса, а змея-искусительница...

Моё сознание словно окутывала какая-то дымка, и хотелось озвучить все свои самые сокровенные желания прямо здесь и сейчас. Однако в какой-то момент поняла, что это не мои чувства. Излишней открытостью я никогда не страдала, сама жизнь научила не открывать собственную душу перед всеми подряд. Пришла к этому пониманию не сразу, прежде получила несколько незабываемых уроков.

Вдруг вспомнился выпад Глафиры на моё желание поделиться с нею своим впечатлением о потенциальном кавалере. Вроде мелочь, но внутри меня что-то перевернулось с тех пор. Вот и сейчас эти воспоминания, появившиеся совсем неожиданно, помогли поставить мозги на место невероятным образом.

- Не нужно на меня воздействовать, — зло выдала наугад. - Все мои желания пусть останутся при мне. Если Духи готовы меня одарить, то я выскажу свою просьбу как-нибудь в другой раз.

«Я читала когда-то о тотемах или духах-хранителях, но у этой шаманки он точно не один, — вдруг пришло понимание. - Только в чём её выгода? Зачем она старается меня подтолкнуть и к чему?».

Мне вдруг стало как-то не по себе. Эта вся мистика начинала пугать. Всегда считала себя здравомыслящим человеком, а здесь вдруг столкнулась с чем-то непонятным и страшным. Не хотелось во всё это погружаться. Я никогда не отрицала, что есть области, где человек ещё не изучил всё досконально, но самой погружаться во всё это мне категорически не хотелось.

- Как знаешь, — разочарование в голосе шаманки было слишком явным, а я убедилась, что мои ощущения меня не обманывали. - Не каждому даётся такой шанс, можешь пожалеть потом, — пыталась продавить меня теперь словами.

«Чур, меня, чур меня. Забирай обратно всё то, что ко мне направила. Никому, кроме тебя, твоё зло не навредит», — вдруг всплыла в памяти старая бабушкина присказка, и я её проговорила в уме, а вслух сказала другое:

- Как оно будет дальше, то мне не ведомо. Пора мне, уважаемая. Питомцы меня уже заждались, и мужчинам пора трапезу готовить. Прощайте, бабушка Абига, — поднялась, поклонилась и направилась на выход.

- Сильная духом и помыслы чисты. Духи помогут и направят, — услышала шёпот вослед, но даже не обернулась.

На улице сделала глубокий вдох и выдох. Почувствовала облегчение на душе, и в голове словно стало светлее. Это нужно ещё привыкнуть ко всем этим благовониям и другим запахам.

Погода не особо поменялась, всё так же буранило...

Время перевалило далеко за полдень, поэтому направилась напрямик в выделенный нам чум. Обед никто не отменял, если есть возможность приготовить его. Запасы пирожков у нас ещё были, но лучше придержать их на дорогу, а сейчас в самый раз будет каша или похлёбка.

- Мы тебя уже потеряли, — встретил меня Владимир. - Коты твои беспокоились, но на улицу не пошли. Наши направились в лес дров собрать или подпилить, а то до утра не хватит. Меня оставили тебе в помощь кашеварить.

- Я у шаманки была, позвала для разговора, — принялась снимать верхнюю одежду. - Только вышел он совсем бестолковым.

Дальше мы принялись за готовку. Жирнов принёс откуда-то ведро воды, а я достала всё остальное для каши. Она будет гораздо сытнее.

Лаки и Глория крутились рядышком, но близко к огню не подходили. Проверили всю подстилку на предмет грызунов, но характерного для них запаха не было. Здесь скорее встретиться белка или бурундук, чем полёвка.

Остаток дня мы скоротали за трапезой и беседой. Под треск костра и всполохи разгорающегося пламени слушать разные мистические истории было очень интересно и познавательно. Заодно узнала о разных оберегах, которые используют служивые.

Меня удивило одновременное использование казачками амулетов и талисманов, как религиозного, так и суеверного характера. На одном шнурке запросто мог быть крестик или ладанка и какой-нибудь камешек, кость животного, зубы или монеты, которые, по их мнению, приносили удачу и отводили беду.

- Мне этот молитвенник вручил ещё мой дед, — демонстрировал семейную реликвию Сил Капитонович. - Он с ним прошёл войну с османами и вернулся домой без единой царапины.

- А мне мамка повязала на шею и наказала никогда не снимать, — Жирнов вынул из-за пазухи малюсенький мешочек с кусочком ладана и поцеловал его. - Может, он меня и хранит, а может и материнская любовь.

Каким бы ни был оберег у служивых, но каждый из них защищал от злых сил, болезней и несчастий, а также приносил удачу и благословение. Главное — это искренне верить в свою защиту.

У меня также появился оберег, кроме небольшого нательного крестика, доставшегося вместе с телом Машеньки. Незадолго до своей смерти Борис Прокопьевич передал мне свою серебряную ладанку в виде небольшого кулона с изображением Георгия Победоносца и наказал беречь его дар.

Когда мне было особенно тяжело, я вынимала его и шептала все свои горести и печали, делилась наболевшим. Мне тогда казалось, что мой наставник и друг слушает меня и поддерживает.

После всех этих рассказов солдатиков вдруг пришло осознание, что самая сильная защита и безопасность приходят от проявления доброты, сострадания, помощи и уважения к другим людям. Настоящую защиту обеспечивает внутренний мир человека, его моральные качества и поступки, а не все эти предметы и символы, которые наделяют какой-то волшебной силой.

Казачки сами приводили примеры из своей жизни и подтверждали мои мысли, совсем не задумываясь обо всём этом. Им важен был результат — живы и здоровы. У каждого в жизни были ситуации, когда они могли сгинуть от меча, копья, стрелы или пули врага...

«А ведь лучший оберег — это всё-таки человечность», — сделала вывод после всего услышанного, погружаясь в глубокий сон.

Глава 6.

- Погода наладилась, — было первое, что я услышала утром от Сила Капитоновича. - Кашеварил сегодня Богдан. Позавтракаем и двинемся в путь. Вставай, приводи себя в порядок.

- Я мигом, — подорвалась с места. - Даже не слышала, когда остальные проснулись, — стало как-то неловко.

- Немудрено, — улыбнулся мне по-доброму. - Засиделись мы вчера со своими разговорами, а у тебя организм молодой, но хорошего отдыха тоже требует, — прибрал в ножны оружие, которое чистил. - Котов твоих уже накормили, они пайку свою сразу требовали, как только первый из нас зашевелился.

«Они могут. Эти проглоты своего не упустят», — усмехнулась собственным мыслям и принялась туго сворачивать свою постель, благо собственный комплект из матраса с подушкой и одеялом у меня имелся с собой.

Быстренько привела себя в порядок и даже успела сбегать до ветру. Утро было уже совсем не ранним и нам стоило поторопиться. Чистое небо ярко-синего цвета, который бывает только весной после непогоды, давало надежду, что мы доберёмся до нужного места без задержки. На его фоне высокие сосны и ели очень красиво выделялись своей тёмно-зелёной хвоей, сквозь которую пробивались солнечные лучи.

- Оставь, Владимир сам унесёт и уложит, как положено, — Гуска остановил мой порыв унести всё моё добро в повозку. - Бери миски и раскладывай кашу, хлеб я уже нарезал. Сейчас наши подойдут. Надо бы взвару ещё разлить по бурдюкам. Как раз подстыл немного, — добавил озадаченно, указав на большой котёл в стороне и наши дорожные ёмкости.

Задерживаться мы не стали, после плотного завтрака собрали остатки вещей, поблагодарили хозяев и выдвинулись в путь. В сопровождение нам выделили старичка, который взялся проводить нас до тракта.

- Места здесь потаённые и не каждый найдёт нужную тропку, — объяснил он нам свой порыв, а мы и не возражали. - Дорога будет хорошая, так что быстро доберётесь до нужного поселения.

Определить народность этого стойбища у меня не получилось, но в разговорах между собой служивые их называли сибиряками. На самом деле в этих людях смешалась кровь разных народов. Когда-то Сибирское ханство образовалось в результате распада Золотой Орды, поэтому и сохранились в них черты не только татар или монголов.

Свою привычную длинную шубу, старик сменил на более короткий тулуп. Передвигаться он собрался верхом на олене без какого-либо седла, подстелив лишь кусок войлока на спину животному. Небольшая нарядная уздечка служила больше для красоты, так как управлялся сибиряк, держась за ветвистые рога, которые совсем скоро это животное сбросит.

Зрелище это было удивительное, но подойти к рогатому красавцу я не осмелилась. Да и Капель будто бы ревновала меня из-за внимания к другому существу и недовольно пофыркивала. Сегодня и коты словно смирились со своей участью и уже не упирались, когда усаживала их в короб.

Когда выбрались за пределы поляны, то сразу же наткнулись на гладь большого замёрзшего озера. Шайтан-озеро... Мы не дошли до него буквально триста метров, хотя в буран могли и не заметить его совсем.

Сразу вспомнился разговор шаманки про Духов, и предложение вернуться домой...

Раскиснуть легко, а как собрать потом себя? Дала себе установку выкинуть всё из головы до поры до времени и сосредоточиться на дороге.

Вокруг стояла оглушительная тишина. Даже шум деревьев стих. Слышен лишь скрип снега под копытами и полозьями нашей повозки, да редкие всхрапывания лошадей.

Словно вся природа замерла в этом самом месте...

Стало вдруг как-то жутко и захотелось убраться отсюда подальше...

Наш провожатый повёл нас на северо-запад от озера и заявил, что до Тары около пятидесяти вёрст, поэтому мы успеем на своих лошадях добраться засветло.

Доехали до небольшой реки, петлявшей среди холмов. Бор шумел в вышине над нами, а молодой ельник чернел вдалеке на возвышенности. Густого подлеска здесь почти не было, что не затрудняло наш путь.

- В этом месте и олени не кормятся, — развёл руки старик, словно охватывая эти просторы. - Наше стадо с другой стороны озера пасётся. Как пойдёт приплод, так к стойбищу и пригоним.

Теперь стало понятно, почему никого в ограде с навесами видно не было. Поэтому и наших лошадок разместили почти с комфортом.

Снега здесь было очень мало. Однако он настолько был утрамбован, что почти не мешал лошадям, которые оставляли лёгкие следы от подков на плотной корке. Но это не дорога и не тракт. Таким образом, потрудился ветер и оттепель. Под таким слоем достать пропитание диким животным практически невозможно.

- Теперь держитесь всё время этой реки, — принялся объяснять наш дальнейший маршрут провожатый. - Дойдете до устья, где она впадает в большую воду, и пройдёте ещё две версты по прямой. Тогда переходите на другой берег, а там вёрст двадцать останется до старой крепости.

- Спасибо за помощь, — поблагодарил наш командир отряда, выдав пару монет, и мы двинулись дальше.

В безветренную погоду с хорошей видимостью путешествовать было гораздо легче. Нам попадалось множество следов различных диких животных. Белки, так и вовсе, сопровождали нас неотрывно какое-то время, а затем потеряли к нам интерес. Пару раз спугнули зайцев с лёжки и косуль. Этот уголок природы был, будто бы ещё не тронут человеком, хотя охотничий промысел был развит уже в этих краях.

Именно здесь степные просторы сменились урманами. Берёзы, осины и ивы спокойно соседствуют с сосной, елью и лиственницей. Чуть реже встречается пихта и кряжистые кедры. Я впервые видела деревья в несколько человеческих обхватов. В своей реальности я таких совсем не помню, хотя пару раз бывала в тайге.

Воздух здесь особенный и насыщен хвойным ароматом. Здесь нет дыма от печных труб, а о промышленных выбросах и говорить нечего. Пройдёт ещё несколько столетий, прежде чем человек возьмётся массово пилить тайгу, хотя есть вероятность того, что в этой реальности такого вреда природе люди не нанесут.

«Кого я обманываю? Разве что себя. Человек всегда привык только брать у природы и практически ничего не возвращать», — сразу вспомнились наши поездки от Станции юных натуралистов (СЮН) с детьми для посадок сосен и елей, встречающиеся огромные лесовозы с древесиной и выжженные лесные массивы.

До устья реки мы добрались уже после обеда, и без проблем перебрались на другую сторону. Вроде мы находились сейчас всего лишь на двести вёрст севернее Покровской крепости, но весной здесь ещё и не пахло. Даже промоин и проталин практически не было, лишь уплотнившийся снег.

Совсем скоро мы ступили на наезженный тракт и двинулись в нужном направлении. Я была полна предвкушения увидеть одну из старейших крепостей Западной Сибири. В моей реальности от неё не осталось и следа. Археологи работали над раскопками и даже воссоздали небольшой участок крепости, но это совсем не то, что видеть в живую историческую достопримечательность.

Тарская крепость была построена князем Андреем Елецким в конце XVI века на возвышенности близ впадения реки Аркарки в Иртыш. Из-за ограниченности ресурсов она ставилась гораздо меньших размеров от первоначально задуманных, но была воздвигнута по всем правилам укрепления.

Эта крепость не раз подвергалась набегам, а людей уводили в полон. Ей угрожали потомки хана Кучума. Она осаждалась калмыками и горела. Пережила Тарский бунт, связанный со старообрядцами. Но всё это было в моей прежней реальности, а здесь...

Город Тара со дня основания был местом ссылки крестьян, мастеровых, провинившихся стрельцов, посадских людей и военнопленных.

Подробностей особо сейчас не могла вспомнить. Но, чего греха таить? Я никогда особо в своей прошлой жизни этим не интересовалась.

«В этой реальности, по сравнению с Тарской крепостью, наша Покровская живёт практически мирной жизнью, как и Омская. Редкие набеги на ближайшее поселение и хутора можно считать совсем небольшими событиями, которые обходились малой кровью», — даже не пыталась высказать эти мысли вслух.

Мне никогда не были близки истории о фортификационных сооружениях и укреплениях, о набегам и столкновениях времён средневековья. Только проживая на территории гарнизона, начала подмечать многие вещи. Рассказы служивых заставляли задуматься о защите наших земель и рубежей.

Прежде меня всегда интересовала лишь природа края и её ресурсы: ягоды, грибы, орехи, различные полезные травы и рыба. Мы с радостью с мамой и бабушкой, когда я ещё училась в школе, приобретали на городском рынке свежую ежевику, чернику и клюкву. В наших ближайших лесах они не водились. Покупали таёжные сушёные грибы и свежую рыбу. Особым удовольствием было ковырять и грызть кедровые орешки прямо из шишки, измазываясь смолой, которая с трудом оттиралась от пальцев.

«Как давно это было... Многое уже стёрлось в памяти, но есть вещи, которые никогда не забудутся...», — промелькнула тоскливая мысль.

Как только солнце начало клониться к горизонту, перед нами раскинулось поселение, а чуть дальше на взгорке виднелись почти чёрные стены укрепленного сооружения. Тара размещалась на двух террасах и самый верхний занимала крепость.

«В 1782 году это поселение станет уездным городом Тобольской губернии, а через несколько лет ему Высочайше будет пожалован герб», — неожиданно всплыло в памяти из доклада выступающего паренька на научно-практической конференции.

- Добрались, — послышалось впереди. - Сейчас напрямик в гарнизон, а потом будем решать все остальные вопросы.

- Смотреть в оба, чтобы под копыта никто не попал, — зычно выкрикнул Сил Капитонович на въезде в город к первой линии укрепления.

- Мария, не спеши. Держи свою кобылку рядом со мной, — предупредил Жирнов. - Не приведи Господь, кто вздумает дорогу перебежать.

- Неужели находятся такие глупцы, что сквозь отряд побегут?

Наш отряд сейчас состоял всего из пяти человек, четверо из которых были верховыми — по двое впереди и замыкающими. Один управлял повозкой на полозьях по центру между нами. Двигались мы друг от друга на небольшом совсем расстоянии и не растягивались, старались держать строй. Подождать, пока мы проедем — много времени не составит.

- Это город, а здесь народ разный бывает. Дети баловство могут задумать, — разяснял мне Владимир. - Как-то наших на спор так испытывали, а хлопец чуть не убится под копытами.

Пришлось смотреть по сторонам... Дома преимущественно были деревянными в один и реже в два этажа. Многие срубы давно почернели от времени, но выглядели крепкими и добротными. Некоторые из них были украшены искусной резьбой. Можно было долго любоваться

наличники и ставнями, переходя от одного дома к другому. Только не везде на окнах было стекло, многие ещё закрывались пузырьём или слюдой. Каменные строения начали чаще встречаться ближе к центру города, но их было ещё очень мало, по сравнению с тем же Омском.

Но больше всего меня поразило количество куполов церквей, храмов и колоколен, которые возвышались над всем городом. Для такого относительно небольшого поселения их было очень много.

Моё любопытство привлекло внимание Жирнова.

- Храмы и сам город не раз горели во время набегов, но всегда их отстраивали на прежнем месте, — пояснял мне Владимир. - Это сейчас их ставят из камня, а прежде возводили только из дерева.

- Строительство церкви обходится недёшево, — прикидывала в уме цену за кирпич и камень. - Мы несколько лет на свою собирали в Покровской и материалы загодя готовили.

- В Таре торговля хорошо идёт с калмыками, бухарцами и кокандцами. С Востока купцы заглядывают теперь часто. Вот на благое дело торговый люд и жертвует. С этих денег и ставят всё.

Больше всего выделялась пятиярусная колокольня, только ближе всё рассмотреть не вышло. Мы подъехали ко второй линии обороны, состоящей из острога с шестью башнями.

Пока Сил Капитонович предъявлял наши сопроводительные грамоты, я осмотрелась. Застройка внутри крепости была очень плотной.

«Немудрено, что здесь всё периодически горит, — сделала вывод из увиденного. - Похоже, что набегов давно не было, но восстанавливать полностью крепость не спешат. Видимо, нет большие в этом нужды».

Следы упадка были слишком явные, хотя пушки на верхних площадках башен имелись. Служба неслась исправно. Гарнизон, со слов наших служивых, насчитывал около восьмисот человек и лишь небольшая часть из них была представлена донскими казаками.

Только вот где все служивые здесь размещаются? Ведь не может бо́льшая часть быть постоянно в разъездах? Кто-то должен нести службу и в пределах крепости.

Ещё одной особенностью тарских служилых людей было наличие нескольких окладов: денежного, хлебного и соляного. Содержание гарнизона было делом весьма дорогостоящим, как и любого другого сибирского войска. Макар Лукич не раз ворчал по этому поводу. Благо вооружение было полностью за казённый счёт и обеспечивалось исправно, в отличие от всего остального.

Наши казачки получали лишь денежный оклад и полностью были на государственном довольствии. В этом были как плюсы, так и минусы. Но с расширением посевных площадей и огородов наши солдатики остались в выигрыше. Да и от снабжения мы всё меньше и меньше начали зависеть. Даже в не хлебородный год, не пропадём на картошке и своих разносолах.

«Здесь и огороды-то распахать особо негде, не говоря уже про поля, — окидывала с высоты передвижной башки окрестности, куда мне разрешили забраться. - Разве что на другом берегу Иртыша, но и там свободной земли очень мало».

После просторов Покровской крепости мне здесь, казалось, слишком тесно и неуютно... Даже красота и интересная архитектура церквей как-то померкла...

Багровый закат предвещал на завтра ветреный день, теперь пренебрегать приметами я не собиралась. Хватило прежнего бурана и встречи со странной шаманкой и всей этой мистикой. Даже самый несусеверный человек начнёт сомневаться...

- Спускайся, Мария Богдановна! Будем размещаться на постой, — услышала крик Жирнова от одного из домиков, домом его язык назвать бы не повернулся.

«Доставить ножки и вылитая избушка Бабы-Яги, — пришло на ум. - Стеклом здесь даже не озаботились. Всё-таки Иван Фёдорович у нас более хозяйственный».

Понятное дело, что это укрепление на несколько веков старше Покровской крепости и внутренняя часть занимает гораздо меньше места. Да и от того кремля почти ничего не осталось со времён пожаров. Служивые в настоящее время больше заняты охраной тракта от Тобольска до Томска, по которому ведут не только каторжан, но проходит караванный и почтовый путь.

Пока я любовалась видами, наше сопровождение уже успело определить наших лошадей и повозку, перенести короб с котами, мои спальные принадлежности и корзину со снедью в выделенную для нас избушку. Помещение, приблизительно в двенадцать квадратов, отапливалось небольшой печуркой у дальней от входа стены. По центру стоит грубый стол с короткими лавками вокруг и голые нары в два яруса вдоль всех стен. Земляной пол даже не затрушен половой и свежей соломой, но специфический запах прелой травы присутствовал.

Масляная лампа скудно освещала стол, но благо хотя бы она у нас имелась. Ужинать в полной темноте не хотелось. Печь, напоминающую буржуйку, уже затопили, и чайник совсем скоро закипит. Осталось закинуть травы и ягод, выложить продукты на стол. О том, чтобы обмыться с дороги или умыться, даже заикаться не стала.

- Это не хоромы наши, но зато не под открытым небом спать будем, — как-то тяжело вздохнул. - Мань, ты ближе к печи, занимай полати. К утру точно изба выстудится, а лишних дров нам не дали.

- Знали бы, что тарские так людей встречают, то из лесу с собой пару вязанок бы прихватили, — проворчал наш утренний кашевар.

- Могу лишь только предположить, что в этой избе каторжан держали. У них со свободными хоромами давно проблема. Весь командный состав и большая часть служивого люда за первую линию укреплений перебрался, как только семьи разрешили свои забрать и по другим крепостям перестали перекидывать, — проворчал самый старший из казаков. - Богдан, спроси у караульных, где можно водой разжиться. Негоже с грязными руками за трапезу браться.

Я выпустила Лаки и Глори, которые сразу же принялись изучать помещение. Выложила в миску им корм, а лоток даже доставать не стала. При всём желании они в него не пойдут.

Жирнов показал мне отхожее место, но наказал одной никуда не выходить из избы и при надобности кого-нибудь попросить о сопровождении.

- Отдых на пару дней отменяется, завтра выдвигаемся, — словно ввалился в избу Сил Капитонович с парящим котелком в руках. - С рассветом вы в составе конвойного отряда выходите в Омскую, а мы с Марией Богдановной с почтовым обозом двинемся до Тобольска. Можно считать, что нам повезло, — присел за стол и придвинул котелок ко мне поближе. - Раскладывай кашу, Мария, потрапезничаем и на боковую.

«Это хорошо, что задерживаться здесь не будем. Не всегда ожидания оправдываются», — была последняя мысль, с которой я погрузилась в сон под мерное мурчание котов.

Глава 7.

Распрощались мы со своими провожатыми на рассвете и двинулись за городом в разные стороны. Небо только-только начало окрашиваться в нежный лиловый цвет, а мы уже отъехали от Тары на пару вёрст. Однако впереди у нас было ещё около четырёх сотен километров и восемь или девять дней пути, если ничего не задержит в дороге.

Возможно, мы могли бы на своих лошадях добраться гораздо быстрее, но без охраны это был бы слишком опасный путь. Мы не готовы были рисковать. Здесь как нельзя лучше действовало правило: *«Тише едешь — дальше будешь»*.

- В повозке немного места за облучком освободилось, можно тебе пристроиться и покемарить ещё чуток, — предложил Сил Капитонович. - С почтовым обозом теперь строго по распорядку двигаться будем. На тракте часто постоянные дворы, поселения и хутора встречаются. Проблем с постоем у нас теперь не будет.

- Я с вами на облучке лучше пока посижу, а если в сон клонить будет, то уже заберусь туда, — подтянула пояс и придвинулась ближе к вознице. - Может, лучше верхом было бы?

Свежий ветерок давно прогнал всю сонливость, а дальше уже видно будет. Мне пока любопытно было понаблюдать за нашими новыми попутчиками. Особо заинтересовал крытый возок на полозьях, который отдалённо напоминала дормез — дорожную карету для сна и очень просторную внутри. Тянула его пара справных лошадок, напоминающих тяжеловозов. Таких коней я видела лишь однажды, когда мы ходили на торг в Омске со своим опекуном. Вот рядом с верблюдами тяжеловозы и размещались, но тогда меня больше привлекли «корабли пустыни» и верблюжья шерсть, которую с них можно было получить почти даром.

«Нам бы такая карета и лошадки тоже не помешали. Сколько это добро всё может стоить? Никто ведь мне не запретит за свои деньги такой приобрести? Зато дорога комфортной может быть в любое время года», — мечтала почти о несбыточном.

- Нет, так мне спокойней будет. Лошадей будем менять попеременно, как почтовые. Благо они нам следовать за ними позволили, — усмехнулся служивый. - Если нам повезёт, то задержек в дороге не будет.

- Серьёзно люди к своему делу относятся. Наверняка ценное что-то перевозят, — протянула задумчиво, глядя на вереницу впереди из повозок и верховых.

- Лучше бы обойтись без ценного груза.

- Это ещё почему? Охрана у обоза справная.

- Так меньше соблазнов будет ограбить его. Мне со своим добром расставаться совсем не хочется, да и тебе оно самбй сгодится, а под шумок и нас очистить могут, и зверей твоих к рукам прибрать, — разъяснил более доходчиво.

Если смотреть на всё таким образом, то не поспоришь. Пусть часть добра осталась на складе в крепости под приглядом дядьки Акима Шило, но с собой у меня также имелось много ценных вещей. Весь свой инструмент для рукоделия, доставшийся в наследство от родительницы, я забрала с собой, как и часть расходных материалов. Кое-что взяла с собой из того, что получила в качестве отступных за своё похищение от бенгалцев. Это в деревне были неуместны все эти дорогие ткани, кружева, мережки, бисер, стеклярус и камни на совсем молоденькой девушке, копающейся в земле или бегающей по лесу с корзиной. В городе требования к моде совсем иные, а меня ещё ждёт впереди женский коллектив во время учёбы.

Я рассчитывала и дальше заниматься рукоделием в свободное время и напрямую сдавать купцу свои поделки для реализации в лавке. Лишней копеечка не будет. В скарбе также припрятала ббольшую часть монеток, что брала с собой, а лишь мелочь отложила в мешочек на поясе для дорожных расходов вместе с разной приятной мелочёвкой. Мало ли какие ситуа-

ции бывают в дороге. Иногда небольшой подарочек может значительно облегчить тяготы пути. Пусть опекун снабдил Сила Капитоновича деньгами, но всякое случается.

К тому же я хорошо помнила, что каторжане довольно часто бегут из мест заключения и во время этапирования к месту. К лихому люду частенько беглые крестьяне из крепостных присоединяются, недовольные своей жизнью у хозяина. Не зря в Покровской на новом тракте посты давно ставят, и объезды делают регулярные — всякое случалось...

Чего стоит только захват хутора на реке Саргатке. Знатно там лиходеи покуражились над людьми. А что было бы, если наши солдатики не заподозрили неладное? Сколько бы они людей на тот свет ещё отправили?

Понятна была и осторожность охраны почтового обоза. Таким образом, частенько перевозили из дальних рубежей России золото и серебро небольшими партиями, драгоценные и полудрагоценные камни, а также важные сведения и дипломатическую почту наших послов из других государств, когда невозможно было послать нарочного в дальний путь. Через Покровскую не раз проезжали курьеры до Омской, а затем уже почтовым обозом послания переправлялись дальше.

- Сил Капитонович, как думаешь, куда делся посевной материал, что мы отправляли в Тобольск? Сам ведь знаешь, что мы с девочками им все подробно расписали тогда, — пытливо смотрела на своего попутчика. - В Омской худо-бедно огороды разбили и подневольные крестьяне урожай вроде бы неплохой получают, а мы им в один год всё отправляли. Иван Фёдорович говорил, что хозяйство у них там справное.

- Вот прибудем на место и спросим про ценные семена и клубни, — усмехнулся чему-то своему. - Только вот с кого спрашивать будем? Иван Фёдорович, вообще-то, наказал первым делом тебя с письмом к Гуреевым везти, а там уже посмотрим и на месте сориентируемся. Все бумаги у меня на руках, но к гарнизонному начальству вместе пойдём разговаривать, — однако сомнения в его голосе я прочувствовала.

То ли оно касалось предстоящего разговора, а то ли моего размещения у тобольского купца и хорошего знакомого моего опекуна — этого я не знала и распознать не могла.

Российская купеческая гильдия тесно поддерживала отношения между всеми своими членами внутри общества, поэтому и сын крупного купца средней полосы Империи не остался без внимания. Пусть он не выбрал отцовское дело, но жизнь длинная и ещё не понятно, куда человека завести может. Меня всегда поражала продуманность торгового люда, но вроде как сама жизнь заставляла их всячески изворачиваться. Именно благодаря купцам в первую очередь налаживались отношения между разными народами и странами ещё задолго до возникновения посольств и дипломатических отношений. По этому поводу не раз шутил Макар Лукич Крашенинников в своей привычной манере ворчуна.

В пути мы накидывали приблизительный план первоочередных действий. Гуска командирован на неопределённый срок для организации и обучению огородному делу и другим хозяйственным премудростям для нужд тобольского гарнизона. Правда, многие вводные нам были пока не известны. Если про климат более или менее мужчина мог сказать, то об остальном было пока непонятно.

- Нам бы толковых людей подобрать, чтобы знали, где и что раздобыть можно там на месте, — вносила свои предложения. - Для сохранения урожая нужно загодя всё готовить, а не тогда, когда его девать некуда и морозы поджимают.

- Казённых крестьян туда давно расселили, — принялся рассуждать служивый. - Солдат там не больно-то к работе приспособишь, может, только кого из обеспечения приставят. Хорошо бы семьи привлечь служивых, от лишней копейки никто не откажется. Среди них толковых по нашему примеру и обучить можно будет.

«Раз помощи попросили, то и поспособствовать должны будут. Да и вариант с семьями себя неплохо в Покровской показал», — размышляла про себя, хотя уверенности стопроцентной в этом у меня не было.

Хорошо, если земля будет, хотя бы вспахана с осени под огород. Вдруг придётся возделывать целину? Сейчас мы могли только гадать или строить предположения, но дело — это неблагоприятное. Мне ещё непонятно было с почвами в этой губернии. Гуска не раз сказал, что в округе много болот, а следовательно, место для земледелия будет не пригодно. Мелиорацией земель мне заниматься совсем не хотелось, так как это дело не одного года. Полностью погружаться в огородничество при тобольском гарнизоне мне совсем не хотелось. Цель моя была совершенно иной.

Погода нам благоволила. Солнце уже не просто светило, но и хорошенько пригревало. В тех местах, где на дороге попадался конский навоз или грязь, вовсю вокруг таял снег. Дороги особо не чистились, поэтому накатывался высокий наст. Местами стали появляться колеи, но благо особых проблем они нам пока не доставляли. Синицы звонко выводили свои трели, а свиристели обирали остатки рябины и других диких ягод. Весна набирала оборот...

- Мария, скоро встанем на постой, — предупредил Гуска. - Ты от меня далеко не отходи. Люд разный встречается, чтобы не обидели.

Слова заботы мне были приятны, да и сама я не собиралась искать приключений себе на одно место.

- Хорошо, только котов бы выгулять хоть немного. Они всю дорогу в коробе и так занемогут без движения, — прикинула, что солнце ещё высоко и до темноты далеко. - Могли бы ещё два часа проехать.

- Почтовый обоз так обычно и двигается. На каждой остановке они прежде корреспонденцию принимают и выдают, — усмехнулся на моё заявление и объяснял порядок. - Сама приглядишься, как они работают.

Пока мы подъезжали к постоялому двору, что виделся недалеко на взгорке, я соображала, из чего можно соорудить по-быстрому шлейки для Глори и Лаки.

«Как у меня вылетело это из головы? На поводке котов запросто можно выгуливать не хуже собак», — сокрушалась в отсутствии собственной сообразительности.

Постоялый двор расположился на крутом берегу реки. Около пяти избушек с амбаром, просторной конюшней и небольшими хозяйскими постройками были огорожены частоколом. Для проезжих был выделен отдельный дом, где располагались более дорогие изолированные небольшие комнаты и одна общая горница не только со столами для трапез, но и со множеством широких лавок, которые можно было занять за сущие гроши.

Ни о каких шкурах или других постельных принадлежностях речи не было — только голые доски из всех удобств.

- Я для нас, Мария Богдановна, комнатку снял и постелю твою занесу чуть позже, — подпихнул меня в сторону нужной двери. - Ты со своими зверями пока располагайся, а я лошадок обихожу и повозку нашу под охрану поставлю. Повечеряем чуть позднее.

В снятой комнате для зажиточных путников предлагалось наличие стола и табуретов под самым окном, которое практически не давало света, и пару отдельных топчанов с тощими тюфяками поверх. Но я сразу убрала один со своего будущего спального места. Матрас на самом деле тягать туда-сюда было жалко, но я не раз вспомнила добрым словом Таисию Петровну. Супруга нашего кладовщика посоветовала пошить мне дополнительный чехол-наматрасник в дорогу из солдатского сукна, чтобы не замызгать сам матрас. Ткань мне выдавали в счёт обеспечения, и запас её скопился у меня в сундуке хороший. Особой надобности в ней у меня не было, но собственный «хомяк» подсказывал не отказываться от добра.

- Ох, мои хорошие, нелегко вам путешествовать со мной таким способом, — помогла выбраться котам из короба. - Но оставить вас дома в крепости я не могла. Как прибудем на место, так и будет вам раздолье, а пока потерпите ещё немного.

Глори и Лаки ластились ко мне, подставляли свои головы и бока. Хотя переноску для них постаралась сделать просторную, но свободно двигаться в ней, как привыкли, они не могли. Выставила лоток для них и миску с кормом и водой.

Я не знала, каким образом организовано питание постояльцев, но сама высовываться из комнаты не спешила. К словам Сила Капитоновича решила отнестись серьёзно.

С улицы слышан был шум: прибывали ещё постояльцы и хозяева управлялись во дворе, где-то вдалеке пела пила и был слышан топор, какая-то женщина громко отчитывала нерадивого работника. Детский смех и визг подогревал любопытство, но я понимала, что послушаться старшего — это потерять доверие Гуски к себе. Нам на какое-то время придётся в Тобольске стать напарниками в организации нелёгкого и непростого дела.

«Доверие потеряешь, ничем не наверстаешь, — успокаивала себя. - В нашем будущем деле без него никак нельзя. Кто его знает, как примут меня знакомцы Калашникова? Тем более фейсом святить не стоит, в обозе меня за мальчишку приняли».

Вдруг дверь заскрипела и в комнату бочком просочилась девчушка лет трёх или четырёх. Плотное яркое платьице с меховой опушкой, курточка нараспашку, высокие войлочные сапожки и смешная меховая шапочка с вышивкой. Одежда выдавала совсем некрестьянское происхождение ребёнка.

Длинные светлые волосики обрамляли округлое личико с той детской припухлостью, которое сохраняется ещё в этом нежном возрасте. Яркие пухлые губки приоткрылись и вытянулись буквой «о» в удивлении, как и широко распахнулись и так большие голубые глаза, обрамлённые пушистыми ресницами.

Она напомнила мне куколку-пупса, которая была у меня ещё в далёком детстве в той прошлой реальности. Здесь таких игрушек ещё пару столетий точно не будет.

«А ведь это неплохой вариант. Детских игрушек я практически не видела, кроме деревянных или тряпичных. Технику изготовления кукол из холодного фарфора и папье-маше я знаю», — вдруг возникла ещё одна неожиданная бизнес-идея, глядя на ребёнка.

И как здесь оказалась эта кроха? Нет, я понимала, что на постой могут остановиться люди разных сословий и достатка. Только вот почему малышка гуляет без присмотра? Где её няньки или ещё кто там положен для пригляда?

- Ой! У тебя котики? — восхищение в ярких голубых глазах словно озарило комнату. - Можно мне их погладить?

Как отказать в такой малой просьбе? Тем более мои коты сами начали проявлять интерес к новому лицу в комнате.

- Можно, — дала добро не только ребёнку, но и этим наглым мордам. - Как тебя зовут и как ты здесь оказалась? Я Мария или просто — Маша.

Девочка немного смутилась от моих вопросов, но вдруг выпрямилась, затем сделала очень быстро книксен и чинно, почти по-взрослому представилась:

- Ольга Владимировна Калюжная, можно просто — Оля. Мы остановились здесь на постой с моей бабулей — Елизаветой Андреевной. Только я перепутала, видимо, наши комнаты.

Я обратила внимание на чистую речь ребёнка и то, как она себя держит. Только долго изображать из себя воспитанную девочку у неё не получилось. Котики требовали к себе внимание и совсем скоро у нас в комнате было очень весело.

Из рассказа Ольги узнала, что она с родной бабушкой двигается также в Тобольск, сопровождаемая няньками и охраной из шести человек. Следуют они с места службы отца, где пожилая женщина и забрала ребёнка к себе на воспитание.

- Мама долго болела, а потом умерла, — Оля чуть отстранённо, словно погружаясь в воспоминания, говорила со всей серьёзностью. - Бабушка сильно ругала папу за то, что потащил её в глушь и должного внимания не уделил. Нянька ей ещё нажаловалась, что его дома почти не бывало. Только у него служба такая, ведь это понимать нужно, — вздохнула тяжело, но очень быстро переключила внимание на моих питомцев.

Мне было очень жаль ребёнка и эту незнакомую женщину, которую вырвали из комфортной жизни и потащили в гарнизон, хотя свекровь настаивала оставить беременную сноху при ней. Понятное дело, что медицина в эти времена оставляла желать лучшего, но многие болезни на раннем этапе поддавались лечению довольно-таки успешно. По описанию ребёнка поняла, что её мама сильно застудилась.

Олю не смущал мой внешний вид, не подобающий девушке моего возраста, и не интересовало социальное сословие. Я с ней поделилась историей жизни в гарнизоне и моментом появления у меня котят. Несмотря на юный возраст девочки, с ней интересно было общаться. Я вдруг поймала себя на мысли, что с деревенскими детьми даже более старшего возраста я не ощущала себя так комфортно. Эта малышка уже сейчас могла поддержать разговор, а её непосредственность и любопытство меня покорили.

Мне вдруг захотелось сделать ей подарок на память о себе, и я достала несколько украшений для волос в технике канзаши и подарила ей. В моей сумочке было припасено ещё несколько интересных вещичек, которые прихватила с собой в дорогу.

- А у меня ничего для тебя нет такого красивого, — принялась проверять свои кармашки.

Я никогда не видела ранее, чтобы детская одежда имела карманы, тем более потайные. Но всё оказалось намного проще. Вместо них в складках одежды были прорези, а на поясе под одеждой крепились кармашки с разными полезными вещами. Точно такие были и у взрослых женщин, а я о такой интересной особенности женского гардероба даже не знала. Однако признала такой вариант хранения очень полезным.

- О, у меня есть кое-что, — вдруг оживилась. - Я припрятала эти семена, чтобы посадить дома у бабули на подоконнике. У неё много разных цветов, а особенно герани, — при упоминании этого растения она скривилась, а я рассмеялась. - Дай руку.

- Мне тоже не нравится её запах, зато цветёт она очень нарядно. — вытянула ладонь, на которую упало несколько семечек из разжатого кулачка Оли. - Что это?

На самом деле я узнала семена цитрусовых растений, но непонятно было, к какому конкретно виду они принадлежат.

- Это семена очень вкусного заморского фрукта. Его покупал мне отец у заезжих купцов, — с важностью в голосе выдал ребёнок. - Сказали, что его можно вырастить дома на самом солнечном окне.

«Если этот фрукт понравился ребёнку, то он вполне мог оказаться апельсином или мандарином. О лимоне такого не скажешь», — вдруг промелькнула мысль.

- Тебе не жалко их отдавать мне?

- Нет, не жалко. Я не уверена, что смогу из них что-то вырастить. А ты уже взрослая и у тебя точно получится, — добавила без тени сомнений.

- Спасибо, — приобняла девочку в знак благодарности. - Я обязательно их посажу и каждый раз буду вспоминать о тебе.

- Может, когда-нибудь ты заглянешь к нам в гости? — спросила с затаённой надеждой в голосе. - Ты ведь тоже едешь в Тобольск.

Жалко было отбирать надежду у девочки. Однако пришлось объяснить ребёнку цель своей поездки и почти прямым текстом сказать о разном круге общения.

- Наверняка твоя бабушка не обрадуется мне. Я ведь жила в гарнизоне и больше общалась со служивым людом, а ей это может не понравиться, — добавила с сожалением.

- Ты образованная, хотя и из мещанок, — посмотрела на меня с укором. - Если вдруг когда-то тебе понадобится помощь, то ты всегда можешь к нам обратиться.

- Тебя, наверное, ищут, — спохватилась, вспомнив о пожилой женщине. - Нужно сообщить кому-нибудь, что ты сейчас у меня, — направилась к двери. - Ты пока посмотри за Глори и Лаки, а я поищу твою бабушку.

Вдруг за дверью послышался шум и какая-то возня.

- Барышня, Ольга Владимировна! Где вы? — услышала совсем рядом с дверью.

- Пойду я, Машенька. Раз нянька принялась меня искать, то не успокоится. Было приятно познакомиться и пообщаться, — ловко соскочила с топчана, затем приобняла меня на прощание и направилась на выход, а у меня в горле неожиданно появился ком.

- Удачи и береги себя, Ольга Владимировна, — успела шепнуть ей вслед.

Мне эта девочка почему-то напомнила Машеньку. Нет, не меня, попавшую в её тело, а ту жизнерадостную малышку, у которой ещё были живы родители и братик.

Я не знала, почему мы вдруг встретились на этом постоялом дворе. Уже давно заметила, что в моей жизни, в этой самой реальности никогда не бывало случайных встреч.

«Будь счастлива, девочка. Может, судьба ещё сведёт нас когда-нибудь», — промелькнула мысль.

Глава 8.

Наша поездка подходила к концу. Вдалеке на высоком холме уже едва виднелся белокаменный кремль, а Сил Капитонович до сих пор вспоминал встречу с Калюжной Елизаветой Андреевной, вдовой коллежского советника. В табеле о рангах он как раз соответствовал чину капитана I ранга.

Так вышло, что пока мы с Оленькой развлекали друг друга разговорами, во дворе шли почти настоящие баталии. Охрану почтового обоза не смутил даже высокий статус некоторых постояльцев. Они вдруг решили полностью оккупировать понравившийся им домик для постоя, хотя свободных мест в нём оказалось гораздо больше, чем им требовалось для отдыха. Оставались также свободные комнатки наподобие той, что заняли мы с Силом Капитоновичем.

Женщины и ребёнок не могли представлять опасность почтарям, тем более их охрана разместилась в другом месте на хозяйском дворе. Однако они почему-то решили препятствовать их заселению. Это Ольге Владимировне удалось незамеченной просочиться в избу, а про моё размещение в комнате они и не знали совсем. Гуска умудрился каким-то образом занять места раньше обозников.

«Дали людям власть, а они ею пользуются без зазрения совести. Возмнили о себе невесть, что, и о людях забыли», — промелькнула мысль, когда узнала о сложившейся ситуации.

- Этой женщине под силу самой кораблём командовать, — не мог скрыть до сих пор восхищения мужчина. - Ведь это ещё нужно уметь с таким изяществом поставить на место всю почтовую охрану.

- И чего она так распалилась? Из рассказа девочки я представляла её уважаемой старушкой с бойким характером, но ни как не скандальной женщиной.

- Старушкой такую даму грех назвать, — посмотрел на меня с укором. - А как здесь не поскандальить? Почтовые заняли проход и, намерено, никого не пускали. У неё маленькая совсем внучка одна осталась, а её не пускают к ней, — возмущение плескалось в воздухе слишком ярко и запросто могло пролететь крепкое словечко, но служивый сдерживался. - Я объясняю им, что оплатил комнату уже и тебя разместил на постой. А они, видно, пускать в избу никого не собираются.

- Эх, нужно было напроситься к ним в попутчики, тогда давно были бы на месте, — заметила с сожалением.

- Растерялся я как-то, а теперь чего уж об этом говорить, — смутился Сил Капитонович. - Доехали живыми и здоровыми — вот и ладно. Отдохнём денёк, другой и за дело примемся.

Больше нам с Калюжными пересечься в дороге не удалось. Они двигались с меньшими остановками, в отличие от нас...

Было ещё одно неприятное открытие — это встреча с этапирруемыми каторжанами. Нет, я знала, что периодически в Сибирь отправляют осуждённых и про кандалный путь уже мне рассказывали, но одно дело об этом слышать и совсем другое — это видеть собственными глазами.

Мы столкнулись с каторжанами приблизительно на середине нашего пути. Им пришлось сойти немного с дороги, чтобы освободить проезд для почтового обоза и нам.

Не мне судить о правосудии в этот период России, но видеть этих людей было больно и страшно. Около двух десятков, закованных в кандалы, и цепи мужчин вели пешим ходом. Осуждённые были измучены физически, холодом и голодом, но больше всего меня поразили глаза этих людей. Я понимала, что в таком состоянии не все дойдут до места отбывания ссылки. Однако у некоторых из них был прямой взгляд и сила духа в глазах, хотя большинство были

потеряны и не хотели больше бороться за свою жизнь. Тяжело оставаться человеком при нечеловеческих условиях, но те, кто преодолеют себя — выживут.

Все ли из каторжников достойны таких мучений? Или таким способом они искупают часть своих грехов? Были ли они осуждены правомерно?

Вспомнились вдруг декабристы и революционеры, отправленные в сибирские остроги. На ум сразу пришёл Фёдор Михайлович Достоевский, которого привезли в Омск почти с эшафота за участие в собраниях кружка Петрашевцев и приговорили к смертной казни, но в последний момент помиловали. Каждодневный тяжёлый физический труд, к которому он не привык, не сломал его. Суровые условия острога сломили дух многих, но его закалили и сделали более выносливым и дисциплинированным. Его воспоминания отразились в творчестве, но тогда я многое не понимала. Не сломаться — это под силу не каждому.

- Не стоит их жалеть, Мария Богдановна. Они своих жертв не пожалели, — заметил моё состояние Сил Капитонович. - Это этапируют воров и душегубов так, а к остальному люду относятся чуть лучше и в железе на морозе не держат. По мне так сразу нужно было их на плаху отправить.

После этих слов теперь стоило задуматься. Что будет с теми, которые ещё сильны духом? Когда их сломают?

«Действует ли здесь правило, когда зло может породить лишь ответное зло? Смертная казнь существует, но тогда, почему сразу не казнили за такие серьёзные преступления? — одни вопросы крутились в голове и ни одного ответа. - А стоит ли, действительно, переживать об этом? Людские пороки не искоренить при любом уровне благосостояния народа, поэтому всегда будут те, кто преступил закон. Хорошо только тогда, когда это тебя не касается».

Дорога сильно утомила, хотя места мы проезжали очень красивые и живописные со сменной рельефа и растительности. Весь наш путь пролегал вдоль реки и её стариц. Часто на стоянках были заметны на берегу перевернутые рыбацкие лодки и более крупные суда. Я даже представить себе не могла, насколько интенсивно использовалась эта водная артерия в период навигации. Хотя чего таить, в этой реальности меня радовало такое развитие речного и морского флота, которое не было настолько развито в Средние века в той прошлой моей жизни. Наверняка этому поспособствовала более продолжительная жизнь Петра Алексеевича, его реформы в различных сферах и активный товарооборот с другими государствами.

«Вот бы летом здесь проехать или пройти по реке, — предавалась мечтам. - В тёплое время года можно в шалаше переночевать с большими удобствами и без клопов».

Печалило меня лишь одно... Моя мечта о путешествиях постепенно сходилась на нет...

На постой мы останавливались в разных местах, но везде обстановка была примерно одинаковой: топчан, в лучшем случае с тюфяком набитым сеном, или голая лавка в общей комнате. Мне хотелось большего комфорта и удобств, но хозяева не могли этого предоставить. Постояльцы всё-таки были готовы платить и за такой скромный постой.

Питание после первого неудачного раза решила использовать своё, всё равно печь в избе протапливалась, а приготовить кашу или похлёбку из своих запасов труда не составляло. Благо продуктов мне вручили с приличным запасом, а на двоих нам много не надо. Разнообразие себе могли обеспечить. Алтын, оказывается, сунула вместе с подарком и запас из своих национальных деликатесов: казы (*конская колбаса, вяленая или копчёная*), шужук (*колбаса из конины*) и карта (*кишки, начиненные мясом и жиром, также копчёные или вяленые*). Если бы Владимир Жирнов не принялся пристраивать моё добро в Таре, так до самой разгрузки в Тобольске и не узнала бы об этих «сокровищах». Столоваться самостоятельно было лучшим решением, чем маяться животом и пить горький отвар от расстройства желудка.

У котов был свой запас мяса, разделанного порционно и замороженного, но иногда и они себя успевали порадовать пойманной мышью или крысой прямо во время нашего отдыха.

В отхожем месте чаще встречались сталагмиты из отходов жизнедеятельности или нужду приходилось справлять в ближайшем лесочке или ложке, что не добавляло радости даже при созерцании красот. Зачем ждать оттепели, когда можно всё вовремя прибрать?

Пару раз нам предлагали в дороге обмыться в бане, которая топилась по-чёрному, но я даже не стала рисковать из-за боязни подцепить что-нибудь неприятное. Благо потеть с нынешней погодой ещё не приходилось даже на ярком солнышке. Чуть зайдёт оно за облако, и всё тепло пропадало. Поэтому было проще обтереться влажной тряпицей и немного потерпеть.

Хватало также мелкой живности в щелях на полу или в подстилке из соломы. Если в доме были блохи или клопы, то обязательно утром вставала покусанная. Гуска при этом их даже не замечал, отчего было обидней всего. Эти мелкие кровососы умудрялись залезть даже под одежду, хотя всё время спала в рубаше и в штанах, заправленных в высокие вязаные носки. Чего приятного чухаться целый день? Радости мне это не добавляло. Только укусы расчёсывать ни в коем случае нельзя было, чтобы не занести какую-нибудь заразу.

- Первым делом Глори и Лаки искупать нужно с дегтярным мылом в отваре пижмы и полыни, а потом самой в баньке обмыться и провериться на наличие живности в волосах, — пыталась уловить запах от себя, но за время путешествия успела уже привыкаться и ничего не замечала.

- Иван Фёдорович говорил, что Гуреевы примут тебя, как родную. Они давно в Тобольске обосновались, ещё с первыми купцами прадед Варфоломея Ивановича подался в Сибирь. Крепкое у них хозяйство и дело.

Я пыталась сопоставить цифры в голове, но у меня пока ничего толкового не выходило, чтобы обозначить приблизительный возраст Варфоломея Ивановича Гуреева. Спросить об этом у опекуна как-то не удосужилась.

В голове крутились какие-то общие данные о городе и крепости, но особых подробностей не сохранилось. Память периодически подкидывает знания самым неожиданным образом, когда этого не особо ждёшь.

«За свою жизнь через меня прошло столько информации, но большая часть из неё совсем бестолковая. А чему нас всех поголовно учат в школе? Зачем нам столько знать, когда можно давать гораздо больше практических навыков для жизни?» — не раз задавалась вопросами.

Основан Тобольск был в 1587 году воеводой Даниилом Чулковым на месте слияния крупных сибирских рек Тобола и Иртыша. Этот город стал родиной Д. И. Менделеева и ещё многих выдающихся людей, о которых я уже и не помню.

Про нынешний Тобольск я больше узнала из рассказов Сила Капитоновича. Мне было лишь доподлинно известно, что Тобольский кремль был единственным каменным острогом в Сибири. Даже в моей реальности этот легендарный памятник архитектуры XVII–XVIII веков сохранил память многих поколений, и на его территории для гостей проводились тематические выставки и различные занятия и мастер-классы, которые освещались в прессе. Он наравне с Тюменью был одним из первых городов, возведённых за Уралом.

- Мы ведь, почитай, все свою службу с Тобольска в Сибири начинали, — словно погружаясь в воспоминания, рассказывал Гуска. - Шумный и большой город, но чистоту блюдут и порядок, чтобы перед иноземными купцами в грязь лицом не ударить. Для них и каменный дом гостевой поставили в два этажа. Там ведь не только наши торговцы из дальних краёв России и Сибири останавливаются, но и из Бухары, Джунгарии и Казахской орды бывают.

Из рассказов служивого поняла, что сейчас именно Тобольск был административным, торговым и культурным центром Сибири. На этот счёт не раз ворчал Макар Лукич, сетуя на жадность тобольской казённой палаты. Здесь же размещались суды и магистраты.

- Неужели выгодно такой путь проходить с товаром? На дорогу ведь тоже затраты большие.

- Ведь купцы не только торгуют, но и договариваются. Много с ними разного люда тащится со своим умыслом. Иностранцы послы с ними частенько приходят. Кто-то о помощи просит и под длань Российскую идёт, а кто-то и диковинки разные на наших землях ищет. Слабину также через торговцев прощупывают.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее становилось внутреннее волнение. Себе объяснить этого не могла, но и справиться с этим ощущением так сразу не получалось...

Что меня ждёт впереди? Как примут?

Я уже поняла, что все фортификационные сооружения и укрепления ставились с учётом рельефа местности. Выбиралось самое недоступное или малопроезжимое место с природной защитой с нескольких сторон. Даже небольшие поселения старались располагать по тому же принципу. Если не выходило найти такое место, то ставили дополнительную защиту или рыли ров, как у нас в Покровской крепости.

Издаലെка хорошо были заметны башни разной конструкции и формы, что сильно поразило меня. Стены Тобольского кремля возвышались над обрывом чуть дальше места слияния рек на крутом берегу Иртыша. В проёмах были видны отверстия для боя, а боевые зубцы выполнены в виде ласточкина хвоста. Это уже позже узнала, что все семь башен носят собственные названия.

Город давно перерос защитные стены крепости. Однако сразу заметила сложность рельефа, жилые дома располагались словно на разных уровнях и нижние, расположенные в пойме реки, наверняка подтапливаются.

Вспомнила сразу, как у нас в снежные зимы с улиц города усиленно начинали вывозить снег большими машинами на берег реки. Если этого не делали, то часть улиц сильно подтапливалась. В некоторые дома вода даже заходила внутрь и портила имущество. Понятное дело, что хозяева сами были заинтересованы в очистке улиц и дворов, но не всегда это можно было сделать собственными силами. Куда вывозить снег на узкой улочке, когда он выше человеческого роста?

Вот и сейчас было видно, что Тобольск не минует эта же участь. Как только начнётся активное таяние снега, так сразу всё и поплывёт. У мостов вокруг опор уже принялись подпирать лёд. Но это свидетельствует лишь, что во время ледохода деревянные опоры уже страдали и сейчас их пытаются уберечь таким нехитрым способом. Но разве со стихией справишься? Если огромные льдины поплывут, то этот мост не спасёт и он будет разрушен. Поток льда и воды его снесёт напрочь.

На развилке при въезде в город наши пути с почтовым обозом разошлись. Мы поблагодарили попутчиков и двинулись дальше, нам следовало перебраться на другую сторону Иртыша.

- Сейчас проедем в верхний город, а там уже до Гуреевых рукой подать, — оживился Гуска. - Благо до ночи добрались и блукать не придётся. Я только раз бывал у них, но фасад хорошо запомнил.

- А вдруг они его перекрасили или переделали?

- Главное, чтобы лавка была на месте, а там я уже ориентируюсь, — выдал без тени сомнения.

С высоты были видны деревянные домишки с небольшими хозяйскими участками и строениями. Нижний город больше напоминал большую деревню. Редкие каменные дома располагались ближе к площади и, скорее всего, были какими-то административными зданиями, слишком строгая была у них архитектура. На самом деле площадью назвать небольшое место, свободное от построек, можно с натяжкой.

У реки заметила причалы и несколько кораблей на рейде. Только они были не вмерзшие в лёд, который запросто мог их раздавить, а стояли на каких-то подставках прямо на берегу. Рядом расположилось и множество более мелких судов, приспособленных под парус и без. Весь

водный транспорт ждал своего часа до навигации. Недалеко от них расположилось несколько длинных зданий и двухэтажный корпус.

- Там мореходов будущих обучают, — заметил мой интерес Сил Капитонович. - От самого Тобольска есть выход в Северное море. Отсюда купцы нанимают корабли для прохода до самого Архангельска и Санкт-Петербурга в тёплое время года и успевают до холодов обернуться назад.

Прикинула в уме расстояние, но путь по воде вышел у меня гораздо длиннее, чем по суше. Однако переход через Уральские горы может занять также больше сил и времени. К тому же может стать и гораздо опасней. Если судоходство настолько хорошо развито, то оно, возможно, действительно, будет быстрее и гораздо безопасней добираться по рекам и морям.

В лучах солнца, что начало клониться к закату, хорошо были видны купола церквей, и полумесяц на старинной деревянной мечети. Меня удивило такое соседство, а затем вспомнилось про Сибирское ханство и множество иноземных купцов другого вероисповедания.

«Какой разумный генерал-губернатор, — восхитилась продуманности местной власти. - Не каждому удаётся благополучно поддерживать такое соседство, а наличие места для поклонения мусульман почти в центре города благотворно влияет на развитие региона через иноплеменных купцов».

На подъезде к кремлю с правой стороны располагалось величественное здание с колоннами и арочным фасадом. Два пристроенных крыла имели более скромный вид и множество этажей с небольшими окнами, которые поблёскивали на солнце стеклом. Сразу между ними располагался небольшой плац и площадка с какими-то спортивными сооружениями, а вокруг всё плотно засажено елями, чтобы закрыть обзор с проходной улицы.

«Неужели это и есть школа? Какая она огромная!» — промелькнуло с восхищением.

Мы подъезжали к району с добротными каменными домами, которых в городе было не так и много, и деревянными теремами, с резными фасадами ещё наряднее, чем видела в Таре. Здесь они были настолько искусно выполнены, что хотелось пощупать руками и проверить настоящее это дерево или нет. Хозяева будто бы соревновались друг перед другом в украшательстве фасадов домов и ворот с калитками. Каменные дома ограничивались более скромной лепниной или колоннами с капителями растительных мотивов. Но этот материал для строительства сам по себе был не дешёв.

Единственное, что портило общую картину, — это множество сосулков на карнизах и фронтонах у многих домов. Значит, снег очищали не вовремя, и на крышах могла быть плохая теплоизоляция.

На первых этажах некоторых строений стали встречаться магазинчики и лавки. Об этом свидетельствовали витрины, украшенные образцами товаров и вывески. Эта улица была гораздо шире остальных и выглядела ухоженной. Куч с золой или следов от грязной воды на снегу совсем не было, как в нижнем городе. Да и ветер сносил запах печных труб куда-то в сторону, место хорошо продувалось.

- Вот следующий дом и будет купца Гуреева, а лавка их вон там находится, — указал на витрину с красиво уложенными тканями, разной фурнитурой и прочими мелочами, которые не получилось у меня рассмотреть так быстро. - За угол заедем и сразу на хозяйский двор попадём, нам с лошадьми через парадный вход не надобно.

«Слава тебе, Господи, добрались», — выдохнула с облегчением.

Глава 9.

Мы остановили свою повозку у массивных ворот, проехав чуть дальше за угол по узкому проулку. Домовладение купца Гуреева больше походило на крепость, несмотря на вполне себе парадный вход с главной улицы. Все тылы были закрыты высоким забором, либо глухими стенами строений.

Гуска соскочил с облучка и принялся долбить специальной колотушкой в калитку, которая была почти незаметной в полотне воротины. Послышался вдалеке глухой лай и рык собак, по голосу стало понятно, что это кто-то из крупных пород, а совсем не привычные мне мелкие дворовые собачонки.

«Интересно, какие породы используются здесь для охраны? Переселенцы с собой в Покровскую кого только не привели, но все беспородные собаки», — промелькнула мысль.

- Придётся обождать немного, — заметил служивый.

- Я ноги разомну, — соскочила с повозки и решила пройтись на звук детских голосов, которые были слышны чуть дальше.

- Далеко не уходи, нужно представить тебя хозяевам чин по чину, — предупредил мужчина мне вслед.

Я шла вперёд по проулку на голоса и почти упёрлась в какой-то овраг. На дне его виднелся расчищенный лёд, на котором резвились мальчишки. Какие-то палки и брусья были вмурованы в снег и напоминали хитрые сооружения. Мне было не совсем понятно происходящее, но больше всего это напоминало бой между двух противоборствующих сторон. Задорные выкрики и безобидные кричалки косвенно подтверждали это.

Раскрасневшиеся и расхристанные от собственного жара — шапки набекрень, тулупы распахнуты, а валенки и галички плотно облеплены снегом. Они активно обкидывали друг друга снежками и при этом исполняли какие-то хитрые манёвры на льду, словно копировали чьи-то действия. На вскидку им было не больше десяти или двенадцати лет, но парни вытягиваются гораздо позже девчонок, и я запросто могла ошибаться по поводу возраста.

«Мальчишки везде одинаковые, им бы только в войнушку играть и баталии разыгрывать», — мелькнуло в мыслях.

Мне очень захотелось присоединиться к этому веселью, но я не осмелилась. Однако чувство радости нахлынуло на меня. Восторг, возбуждение и азарт захватили полностью. Я словно была там внизу среди этих ребят.

Однако в какой-то момент меня обнаружили, и я поплатилась за свою неосмотрительность и беспечность. Вся эта ватага внизу как-то быстро объединилась и послышались выкрики:

- Бей вражину!

- Это лазутчик, не дайте ему уйти!

- Обходи его с флангов!

В меня полетели комья снега. Не удержалась, уворачиваясь на месте, и неожиданно съехала на спине вниз по склону. Благо повезло и ни на что не напоролась.

- Вяжи его, — первым подскочил самый высокий и наглый из свары, и принялся раздавать указания. - Сейчас допрашивать его будем. Что он делал на нашей территории?

- А ну, стоять! — гаркнула со всей мощи, как частенько делал наш унтер-офицер Данилов. - Кру-уго-ом, шагом ма-арш! Тоже мне, нашли вражину, — выдала уже с обидой в голосе и принялась стряхивать с себя снег.

Те, кто было дёрнулся выполнять мою команду, в какой-то момент замерли и зыркали теперь на меня с особой злостью, сжимая кулаки и готовясь накинуться при первой же команде.

Только сейчас до меня дошло, что я обряжена совсем никак девушка и наряд на мне больше казахский, чем русский. Но что поделать, если в дороге путешествовать так значительно удобней, чем обряженной девицей. Зачем себе в комфорте отказывать?

Зимой девушки носили тёплые рубахи и нижние юбки, душегрею (*короткую тёплую кофту с длинными рукавами*) или шугай (*короткую меховую шубку*), сапоги или валенки, шубу или полушубок, подбитый мехом, вязаные или меховые варежки, плотную шапочку и шаль. Поэтому меня в штанах и высоких сапогах с чунями запросто приняли за пацанёнка.

- А ну, отвечай, что на нашем месте делаешь? Здесь чужаков не привечают. Это наше место, так что... Как врежу сейчас и мало не покажется, — наступал на меня этот неугомонный.

- Верю, верю всякому зверю, а тебе ежу погожу! — не могла удержаться, так как нелепость всей этой ситуации начала доходить до меня, а ошарашенные лица мальчишек радовали, словно бальзам мою душу.

- Ты чего полоумный?! Где ты ежа видишь? — никак не успокаивался этот нахалёнок, но напор сбавил, а остальные лупали глазами в недоумении.

Мне не хотелось дальше раздувать конфликт с мальчишками, как-то это не правильно было с моей стороны, и так вмешалась в их игры. Поэтому принялась подниматься по склону оврага. В одном месте были как раз выдолблены ступеньки. К тому же вспомнила, что Сил Капитонович просил меня далеко не уходить, а я забрела непонятно куда.

Стало немного стыдно за свою беспечность...

- Ты куда собрался? Эй, стой! Ты куда идёшь? Я тебя не отпускал, — несло мне вдогонку.

- Поднимешь ногу — увидишь дорогу, пора мне, — буркнула на прощание.

Оглядываться не стала. Мои несостоявшиеся знакомцы принялись громко рассуждать, кого занесло на их территорию. Предположения выдвигали разные, но ни одно не было верным, что веселило меня. Прибавила шаг, а рот расплылся в улыбке.

«Совсем у ребят плохо с коммуникацией. Разве можно так накидываться на незнакомцев? Мало ли на кого можно нарваться», — прокручивала в голове нашу встречу.

На самом деле способность быстро налаживать отношения — очень важный навык, который включает в себя умение эффективно взаимодействовать с другими людьми через общение, используя эмпатию, умение слушать и понимать невербальные сигналы, а также управлять своими эмоциями. Без него нельзя установить личные границы, а это я всегда считала одним из важных навыков в жизни. Сигналов посылала им много, еле сдерживала улыбку и собственную доброжелательность. А толку?

Когда тебе не хочется с кем-то общаться, а приходится, то можно мягко поставить человека в такие условия, что он сам от тебя отстранится. Не всегда это у меня получалось, но я работала над собой. Сейчас я поступила почти по-детски, но мне больше хотелось подразнить мальчишек, раз не захотели нормально общаться по-человечески.

К нужным воротам я почти бежала. Как-то я и не заметила, насколько далеко ушла от домовладения Гуреевых. Калитка была чуть приоткрыта, а нашей повозки уже не наблюдалось у ворот. Поэтому я решила, что Гуска уже был во дворе, и смело шагнула внутрь.

- Мария Богдановна, куда запропастилась? Я уже не знал, что и подумать. Хотел на твои поиски уже отправляться, — негодование Сил Капитонович даже не пытался скрыть, но он был прав в своих чувствах, так как я его не послушала.

- Окрестности изучала и знакомилась с местным контингентом, — выдала как на духу.

- И как? Успешно? — теперь в глазах служивого заметила смешинки. - Видимо, хорошо тебя встретили раз малахай и сама вся в снегу. Давай обмету, а то мокрым всё будет.

Двор был не слишком просторным. За каменным двухэтажным домом остальные строения были все деревянными. В передней части двора приметила небольшую беседку и баньку рядышком. Пару деревьев и какие-то кусты, укрытые холстиной и поверх снегом, который уже

значительно подсел. В задней части двора располагались конюшня, амбар и какие-то сараюшки. Имелся небольшой огородик и палисадник. Вдоль высокого забора притулились кусты малины и смородины, чуть дальше разглядеть уже не успела.

По двору шнырял народ, но на нас особо внимание не обращали, пара любопытных взглядов — это не в счёт. Наших лошадей уже видно не было, как и повозки.

- Твои вещи уже занесли в дом вместе с котами, но Надежда Филиповна наказала слугам без тебя их не разбирать, — заметил мой ищущий взгляд. - Пойдём в дом, помоешься с дороги, а потом уже будешь знакомиться с хозяевами. Бумаги и письмо я им уже отдал.

Дальше меня поручили шустрой деловитой девчонке, на вид лет четырнадцати, представившейся Дарьей. Быстренько взяла смену белья и более или менее приличное платье, прихватила котов с рыльно-мыльными принадлежностями, травы и направилась следом в баньку. Расположили меня не на половине слуг, а в гостевых покоях из двух комнат на втором этаже. Только рассмотреть я их не успела и вещи свои пока не разложила.

«Чего спешить с барахлом? Вдруг я хозяевам не приглянусь и съезжать придётся», — рассудила благоразумно.

Правда сама не знала, куда мне деваться в такой ситуации. Ничего, кроме Тобольской крепости, сразу на ум не пришло.

Гуска уже чистым сидел на кухне и общался с местной кухаркой, потягивая свежий чай, и жмурил свои серые глаза. Когда только успел? Мне он напомнил петуха в курятнике, так как вокруг него так, и вились дамы разных возрастов, а он только поглядывал на всех снисходительно. С другой стороны, он у нас мужчина видный и надёжный, а до сих пор в бобылях ходит — непорядок. После баньки его светлые волосы немного вились и бороду, отросшую в дороге, он почти полностью состриг.

«Если так и дальше пойдёт, тогда точно какая-нибудь дамочка его окрутит и оженит на себе. Пора бы и ему давно семьёй обзаводиться», — вдруг пришла мысль, которая лишь порадовала меня.

Лаки и Глори к купанию были приучены и не слишком сильно сопротивлялись, хотя недовольство своё показали.

- Даша, не нужно их трогать. Пусть обсохнут сами, а я быстро обмоюсь, — остановила девчушку, которой уже досталось от когтей. - Они не привыкли ещё к тебе, как пообвыкнуться, так сами ластиться и начнут.

Как мало нужно человеку для счастья! Мне казалось, что я с себя смываю огромное количество грязи — слой за слоем. Хотя откуда ей взяться? За собственной чистотой я всю дорогу следила. С каждой шайкой воды чувствовала облегчение. Волосы промыла остатками отвара трав, которые заваривала котам для избавления от разной живности. Для профилактики лишним это и мне не будет.

В комнату возвращалась чистая и довольная. Все грязные вещи забрала в стирку Дарья, не дав мне самой заняться бельём.

- Вы здесь гостя, — обратилась ко мне уважительно и совсем не по статусу. - Надежда Филиповна наказала к ужину выходить. Я покажу дорогу, — сразу предупредила меня.

Дом внутри был обставлен добротной и красивой мебелью светлого дерева. У Елены Дормидонтовны было больше практичности и всё выглядело скромнее. Гуреевы не выставляли собственный достаток, но вкус хозяйки явно прослеживался. Не было каких-то вычурных вещей и слишком ярких красок. Каждый уголок радовал своей гармоничностью и строгим порядком. На окнах висели светлые шторы из плотной ткани с едва заметным рисунком, что придаёт помещениям больше светлости.

Высокий потолок способствовал тому, что здесь дышалось легко и свободно, но при этом температура была комфортной. На дровах и угле шибко не экономили, в ведре приметила характерные камешки антрацита (*лучший сорт каменного угля, отличающийся чёрным цве-*

том, сильным блеском, большой теплотворной способностью). Хотелось более внимательно рассмотреть изразцы на печах, но Даша меня поторапливала.

Столовая располагалась на первом этаже в правой части дома. Просторное и светлое помещение. На длинном столе по центру выстроились три высоких канделябра в ряд на пять свечей. Вдоль простенков стоят два одинаковых буфета с нарядной посудой за стеклом. Шторы нежного голубого цвета прихвачены золотистыми шнурами и образуют мягкие складки. Насчитала двенадцать нарядных стульев с высокими спинками.

«Прямо как в фильме-комедии Ильфа и Петрова. Не хватает только Остапа Бендера», — усмехнулась собственным мыслям.

- Ну, наконец-то, Мария Богдановна, мы и познакомимся, — услышала позади себя баритон и обернулась.

«Таким только оперные арии исполнять», — заметила краем сознания.

Только сейчас поняла, что в углу почти у самой двери стоит диванчик с удобными креслицами и между ними столик на одной резной ножке. Такой своеобразный мягкий уголок в столовой для частных бесед.

Тем временем слуги шустро принялись сервировать стол и совсем не обращали внимания на хозяев.

Темноволосый мужчина лет сорока с коротенькой аккуратной бородкой и добрыми глазами внимательно осматривал меня. Рядом с ним сидела женщина значительно моложе его и улыбалась мне по-доброму. Её тёмные, как смоль, волосы собраны в причёску, но некоторые локоны никак не хотели лежать как положено и выпали из пучка.

Мне предложили присесть для короткой беседы, пока накрывают ужин...

Глядя на них теперь осознавала, что мне в срочном порядке необходимо менять гардероб, чтобы не выделяться так нелепо среди горожан. Даже самое моё нарядное платье выглядело совсем неуместно и как-то по бедному, хотя имело вышивку и кружева. Однако это не сильно меня смущало. Расхождение в моде я примерно и предполагала. Тем более наряд купчихи наверняка должен был отличаться от одежды мещанки. Внимание моде я не сильно уделяла раньше, предпочитая красоте функциональность и удобство.

«Придётся как-то приспособливаться и создать себе новый образ для городской жизни. Хорошо бы рассмотреть готовые платья. Должны ведь быть лавки готовой одежды или какие-нибудь ателье?» — ломала голову над этими мыслями.

Отрезы хорошей ткани у меня имелись, а одеваться, как Дарья мне не хотелось. Долго крутить все эти мысли мне не дали, нарушив молчание.

- Меня кличут Варфоломей Иванович или дядька Варя по-домашнему, а супругу мою — Надежда Филиповна. Сынок старший наш где-то бегаёт ещё, но с ним познакомишься чуть позднее. Младшенькие уже отдыхают, с ними завтра познакомишься. Иван Фёдорович писал, что ты поступать у нас надумала, так я это уважаю.

- Приятно познакомиться, — успела вставить слово. - Можно кликать по-простому меня, Марья или Мария.

Варфоломей Иванович выпрашивал меня об украшениях из лент и ярких тканей, о вязаных лапотках или туфельках и сапожках, о плетёных сумочках и подвесах для цветов. Мне предложили обучить нескольких девочек всему этому мастерству и обещали даже процент с продаж. Предложение было щедрым, хотя без опекуна должным образом бумаги всё равно не оформить, поэтому обещала подумать чуть позднее.

- Хватит, Варя, девочку словами кормить, — прервала нашу беседу купчиха. - Стол накрыт и стынет всё. Позже поговорим.

Если честно, то я совсем не ожидала, что меня примут здесь с добротой и отнесутся так серьёзно и почти по-взрослому. Хотя в мои пятнадцать лет в деревнях часто уже замуж выдавали. Это я со своей излишне юной внешностью не вписывалась в стандарты возраста. Вроде

как по социальному статусу я была чуть ниже Гуреевых, но совсем этого не почувствовала во время нашего общения.

Стол накрыли сытный, и приборов было выставлено больше, чем нас присутствовало в столовой. Кого-то явно ждали, но они так и не появились. Ужин больше напоминал праздничный, чем обычный.

Я отдала предпочтение рыбе с интересным соусом, разной мясной и сырной нарезке, которые раньше пробовать не доводилось. На столе также имелся белый хлеб, хотя обычно подавали серый или ржаной. Наедаться сильно не хотелось на ночь глядя, так как не привыкла к такому обилию за раз. Хотя заметила, что хозяева чревоугодием также не страдали, но отдали должное разным блюдам.

Уже за чаем беседа возобновилась. Надежду Филиповну интересовали новые овощи и заготовки. Кое-что в виде гостинцев мой опекун передавал своим знакомцам. Больше всего понравились им синенькие (баклажаны), лечо и осенний салат из капусты и других овощей. Слишком много нарочный взять с собой не мог.

«Почему тогда Иван Фёдорович почтовым обозом гостинцы не отправлял? Так можно многое пересылать», — промелькнула мысль.

Про семена и клубни, которые мы отправляли в Тобольскую крепость, им было известно. Однако ума им дать так и не смогли, или намеренно сгноили. Об этом они точно сказать не могли. По городу эта информация распространялась лишь на уровне слухов. Решила тогда, что нам с Силом Капитоновичем даже вопрос о прошлой отправке семян поднимать не стоит. Жалко было записи и потраченного времени девочками на пустую работу.

Была возможность и купцам попросить семена у Калашникова, правда, что-то выращивать у себя Гуреевы так и не решились. Вроде и крепкое хозяйство у них, но без точных знаний и навыков распыляться на новое дело поостереглись.

- Может, и у нас что-то можно развести? Землицы мы прикупили по случаю в Карачино у тамошних татар, — мужчина смотрел на меня с какой-то затаённой надеждой. - Сейчас зерном там всё засевают, но не каждый год урожай хороший оно даёт. Имение хотя и не большое, но земли годной много. Мы его для среднего нашего планируем в наследство, а там как оно сложится.

- Я не могу ничего обещать, — выдала с сожалением. - Нас с Силом Капитоновичем командировали на обучение огородному и хозяйственному делу, но мы пока не знаем, как оно будет всё. Семян и овощей у нас с собой только на развод и не так много, как хотелось бы. Мы рассчитывали на прошлую посылку, а оно вот как сложилось, — немного схитрила. - Ещё рассаду нужно где-то выращивать и хранилище для урожая готовить.

- Так, может, рассаду у нас можно посеять, а там и пару кустов на развод оставить? Ты только скажи, что требуется. Я мужикам дам команду, — оживился Варфоломей Иванович.

- Если руки нужны будут, то и девок можно занять, — предложила хозяйка. - Для такого дела не грех их от работы отвлекать.

- Нужны ящики по ширине окон и свободные подоконники, земли хорошей, — начала прикидывать в уме, как всё это лучше организовать. - Почву бы ещё проверить, но мы пока не знаем, где гарнизон огорода решил организовать.

- Так, у них десятину гарнизону ближе к реке у того Карачино и нарезали. Я же потому и землю там прикупил, что под охраной всё будет, — самодовольно заявил хозяин. - Я тогда за информацию эту немало денег отдал и не пожалел нисколько.

- А что-нибудь там уже выращивали? Есть ли семьи, которые живут постоянно и ведут хозяйство? — начала накидывать интересующие меня вопросы.

- Я уже служивому обсказал, что сведу его с управляющим своим, но он прежде собрался с гарнизонным начальством переговорить, — задумался совсем ненадолго. - Распахано точно было и что-то сеяли, но я не вникал тогда. Своих хлопот хватало.

За всеми разговорами мы закончили ужинать, и девушки прибрали всё после трапезы, когда мы отсели на другой свободный край стола. Мне уже хотелось отдыхать, но прерывать разговор с хозяевами как-то не решалась. Можно было говорить более обстоятельно, но Гуска куда-то подевался или на ужин не был приглашён.

Вдруг дверь распахнулась и в столовую вошёл молодой человек. Короткий фрак и брюки прямого кроя тёмно-синего цвета напоминали больше форму школяра, чем обычную домашнюю одежду. Короткие валенки лишь выбивались из общего образа.

Я вдруг вспомнила сразу Прохора и его бравый вид с начищенными пуговицами.

Тёмные волосы, как у родителей, коротко острижены, а глаза горят предвкушением. Слишком довольный вид не дал мне усомниться и обознаться.

«Ёшки-матрёшки, а что здесь делает этот нахалёнок? Только не говорите, что это и есть старший наследник купеческого семейства», — промелькнула шальная мысль.

- А вот и Сашенька, наш старшенький, — вмиг повеселел Гуреев. - Поди сюда, познакомлю тебя с Марией Богдановной. Ты вроде как собирался даже жениться на мастерице, которая банки с разносолами заморскими закатывала.

«Боже, упаси. Тоже мне, ухажёр. Ещё один любитель моей стряпни сыскался», — чуть было не скривилась от одной этой мысли.

Глава 10.

Утро сегодня началось у меня рано. Котам надоело ждать, когда хозяйка изволит подняться, и начали изображать из себя смертельно голодных зверей. В дороге они успевали к своему основному пайку отловить ещё дополнительно по парочке мышей или крыс в довесок. Вот и растянули свои желудки и округлились сильнее, при этом очень мало двигались. Разве могут они понять, что лишний вес им только мешать будет? Вечером их хорошо покормила и лоток пристроила в проходной комнате в углу. Дарья взялась следить за его чистотой и наполняемостью мисок. Котов приняли очень хорошо, хотя некоторые остерегались моих питомцев по незнанию. В Тобольске такие питомцы были лишь у генерал-губернатора и парочки дворянских семей.

Надежда Филиповна дала добро выпускать Лаки и Глори из моих комнат гулять по дому, а с наступлением тепла они наверняка выберутся и на улицу обследовать хозяйский двор и прилегающую территорию. Вот только как быть с собаками? Этот вопрос пока оставался открытым. Это с деревенскими небольшими собачками проблем не было, а в городе у многих во дворах содержались животные наподобие волкодавов или алабаев. Точное название породы Даша сказать не могла, а лишь описала собак внешне.

- Мария, ты Еленке и Дмитрию не позволяй слишком тискать своих котов, — предупредил меня после завтрака Варфоломей Иванович. - Им только дай волю, так они их с рук не спустят, а животным этим нужна свобода. Я о них много слышал от персидских купцов, но твои коты окрасом совсем другие, и лапы у них длинные.

- Дядя Варя, так мои коты в дороге у бенгальских купцов родились. Их родителей везли из далёкой Бенгалии в Оренбург, а мне котята достались по случаю.

- Знаю я про тот случай, — усмехнулся мужчина. - Твой приёмный отец мне писал тогда письмо и просил приглядеться к их каравану повнимательней, но в Тобольске они не задержались. Прямиком ушли на Тюмень.

Мы всё-таки обсудили с купцом вопрос по обучению девушек рукоделию. Он для серьёзного разговора пригласил меня к себе в кабинет, пока Надежда Филиповна провожала сыновей на учёбу и затем занималась дочерью. Письмо, которое дал мне опекун, я вручила ему лично в руки как раз до трапезы.

Кабинет главы семейства был очень уютным, хотя и обставлен по-деловому и ничего лишнего не включал: массивный стол и удобные кресла для посетителей, книжные шкафы со множеством книг в плотных переплётах, приватный уголок с диванчиком у самого окна и просто огромный сейф в углу у самого входа, скрытый от глаз специальной перегородкой.

Я раскрыла перед собой записи с перечнем культур и сроков их посева. В этот раз я прихватила с собой гораздо больше сортов и видов растений, чем мы отправляли впервые в Тобольский гарнизон, а с вечера достала из кошачьего короба и мешочки и мелкими клубеньками картофеля. Всё доехало в целости и сохранности. Мои коты в дороге служили живыми грелками для сохранности посадочного материала. В пути они лежали на подушечках с запрятым внутри картофелем, а на ночь мы короб заносили в помещение. Это был мой небольшой секрет на случай, если основной посадочный материал вовремя не прибудет. С наступлением устойчивой плюсовой температуры с Покровской нам обещались отправить два мешка семенного картофеля — по мешку каждого сорта.

Как бы ни ворчал Макар Лукич на расточительность нашего коменданта, но Иван Фёдорович был готов выполнить обещание с лёгким сердцем. Себя мы уже несколько лет могли обеспечить этим овощем в полном объёме, а деревенские платили им ещё и часть оброка. Еленка Кузьмина и Ольга Шило пообещали мне продолжать собирать семена картофеля на

своих огородах, чтобы периодически обновлять посадочный материал. Девочки в этом хорошо поднаторели.

«Жаль, что не у всех деревенских есть возможность пойти учиться. Даже, несмотря на образовательные реформы, не каждый хочет отправить ребёнка на учёбу в город. Слишком крепки в умах людей старые стереотипы о месте женщины в обществе», — не раз мучила меня эта мысль.

Договор о моём наставничестве над рукодельницами купцом будет составлен и отправлен с нарочным на подпись моему опекуну, а мне хотелось прояснить вопрос с моим удочерением. Я совсем не предполагала, что вместо оформления опеки меня ещё и официально удочерят. Это давало мне больше шансов и относительной свободы, но было немного обидно, что о таком важном факте Иван Фёдорович умолчал. В Покровской крепости я не знала отказа ни в чём, мне даже вручались деньги за моё рукоделие в полном объёме. Хотя я совсем не ожидала, что можно выручить такие большие суммы. Вроде и Калашникова обидеть не хотелось своим недоверием и непониманием, но и вопрос требовалось прояснить.

«Может не спешить и переговорить при случае с глазу на глаз? — мучилась сомнением. - Плохого мне Иван Фёдорович ничего не делал. Он даже был влюблён в маму Машеньки. Так, может, из-за этих чувств и удочерил ребёнка?».

- У нас хорошая школа для речного и морского флота. Не хуже, чем при Адмиралтействе в Санкт-Петербурге, — с гордостью рассказывал хозяин. - Северный морской путь до столицы и всю речную навигацию курсанты проходят с лёгкостью до самого Чертового городища (*укреплённое поселение чатских татар XVI—XVIII веков, где располагалась древняя крепость*). Там же в школе учат геодезии, праву и готовят кадры для дипломатических и торговых отношений с соседними государствами. Санька как раз на дипломата пойдёт дальше учиться.

- А когда начинается приём документов и экзамены в школу для девушек? — задала самый волнующий меня вопрос. - - Правда, я ещё с профессией до конца не определилась, — немного смутилась своей неопределённостью.

- Это мы Надежде Филиповне поручим всё разузнать подробно. Она только рада будет помочь, но только о пансионе даже не стоит ей говорить, — добавил вескости в голос. - Я Ивану Фёдоровичу обещался за тобой приглядывать и заботиться, как о собственной дочери. Твой родной отец и нам не чужим был. Так что будем тебя с мальчишками возить и забирать, всё равно рядышком с ними эта женская школа находится.

Слова про отца немного меня смутили. Слишком много тайн было у Богдана Камышина. Я его определила уже давно в шпионы, но не всё так просто было. Однако никто откровенничать или что-то рассказывать его родной дочери не спешил, а тайны лишь порождают дополнительные сомнения и страхи. Кто его знает, как может аукнуться мне прошлое родителя Машеньки Камышиной?

Мне понравились дети Гуреевых. Даже Александр может спокойно разговаривать в кругу семьи. Вот только меня принял мальчишка неоднозначно, а ещё эти подначки его отца. Благо меня он не признал, а то не представляю, как мы могли бы дальше общаться.

- Что, сиротка, понравилось тебе в городе? Поди дальше своей деревни ничего не видела, — прижал меня у стены. - Ты слишком не рассчитывай у нас остаться, всё равно тебе в школе ловить нечего. Овощи квасить и кухарить можно без образования, — растянул рот до ушей, считая, что поставил меня на место. - Может, мужа приехала искать? Так это тебе в нижний город нужно, где подобные тебе обитают.

- А это не тебе решать, Александр Варфоломеевич, — усмехнулась ему в лицо. - С мужем сама определяюсь, может, даже тебя выберу. Родители твои точно не против будут такой невестки, — сделала вид, что серьёзно об этом задумалась, наслаждаясь сменой эмоций на лице пацана. - Дела не с тобой вести буду, а с твоим батюшкой. Тебе ещё учиться нужно, как себя с людьми незнакомыми вести и правильно расставлять приоритеты, — тыкнула его паль-

цем в лоб и посмотрела с укором. - На добрый привет — добрый ответ. Али не учат нынче этому в вашей школе? Лошадь узнают везде, а человека в общении.

Выкрутилась из ослабевшего захвата и пошла дальше павой по своим делам, пока парень «переваривал» мои слова.

«Ремня недорослю не хватает или хорошей трёпки от сверстников, — крутилось в голове. - Так и на хороший кулак нарваться может. А если только с девчонками или более слабыми себя так ведёт, то дело совсем худо. Неужели Варфоломей Иванович упустил воспитание старшего сына? Хотя может и пубертат так на него влиять. Я сейчас для него как красная тряпка для быка».

Парню приходилось много учиться, только это не оправдывает его дерзкого и неуважительного поведения со мной. В свободное время он отрывался с друзьями. Неужели и с ними себя так ведёт?

Первое впечатление о парне оказалось не совсем приятным. Однако мне повезло, что он меня не признал из-за моего наряда и запорошённой снегом внешности. Кто его знает, как припомнил бы он мне мою дерзость в дальнейшем? Правда, с незнакомцами так общаться будущему дипломату не стоит, и при случае я ему об этом обязательно ещё не раз напомню.

Дмитрий был средним сыном десяти лет и регулярно посещал школу. Прелесть города была в том, что в образовательном учебном заведении можно было детям дать более полное и разностороннее обучение. Так им легче было определиться с дальнейшей профессией. Хотя парню предстоит ещё отслужить на благо государства, но поприще он может выбрать самостоятельно. Дима был единственным голубоглазым ребёнком в семье с серьёзным взглядом и рассудительной речью. Он ещё не избавился полностью от той детской припухлости, которая присутствует в этом возрасте, и пропорции тела не совсем сформировались, но вёл себя мальчишка уже почти по-взрослому. Выдавал его возраст влюблённый взгляд на десерт, хотя среди взрослых также много сладкоежек.

- У Димки нашего, характер ещё покрепче Сашкиного будет, но слишком сильно он за справедливость стоит. Этим даже внешне на деда похож, — вздохнул с какой-то затаённой тоской. - Его далеко от себя нельзя отпускать, чтобы дров не наломал и голову зазря не сложил. Поэтому пусть лучше землёй занимается и крестьянами.

«Кто его знает, будет ли сын считаться с желанием отца? Дети растут слишком быстро, меняются их взгляды и предпочтения», — промелькнула мысль.

Елена была самой младшей в семье, но уже большой выбражушкой в свои три года. Она сильно была внешне похожа на мать, особенно цветом глаз и чуть вздёрнутым кончиком носа. Её мама была красивой женщиной с утончёнными чертами лица и глазами цвета шоколада. Девочка старалась подражать манерам матери. Со стороны это выглядело умиительно, но только пока ребёнок ещё маленький. Она также поправляла волосы, которые были на пару тонов светлее материнских, и точно так же расправляла подол платья, когда усаживалась на кресло или стульчик. С девочкой занималась гувернантка, выписанная из столицы, и они уже пытались разучивать буквы, счёт и языки.

«Как рано в семьях начинают учить детей. Хотя чему я удивляюсь? Аграфена сама учила Машеньку и её брата Ванятку примерно с такого же возраста. Простому люду важнее научить детей следить за хозяйством и вести его без убытков, а всю грамоту бо́льшая часть из них считает баловством», — пришло понимание.

- Варфоломей Иванович, вам бы в вашем имении первым делом тепличку поставить для рассады и первой зелени, обогрев в ней соорудить, - делилась планами реализации нового

направления в сельском хозяйстве семейства Гуреевых. - Можно пару девушек обучить выращиванию новых культур, - посмотрела на мужчину озадачено. - А грамотные среди них есть?

- Ты погоди с тепличкой. Образованных девок мы тебе найдём. Возьми хоть Дашку, которую к тебе приставили. Она немного читать и писать обучена, но много от неё не жди, - вносил свои предложения хозяин. - Место вы ещё не знаете, что вам определяют для гарнизона. Не разорваться ведь, - вздохнул с сожалением, будто бы этот вариант с моим разделением его так же устроил. - Гуска с моим управляющим переговорит, а там видно будет, - начал делать какие-то пометки у себя на бумаге. - Сегодня ящиков наколотят и земли хорошей наковыряют. Но что там для строительства теплицы нужно, ты заранее мне напиши. Может и сообразим кое-что по-быстрому.

- Мне бы ещё угол тёплый выделить или комнатку какую-нибудь, где грязь нестрашно разводить, - вспомнила о ворчании своих деревенских девчонок во время посева. - Как появятся первые всходы, так на окна и начнём ящики выставлять.

Мы проговорили с Варфоломеем Ивановичем почти три часа. Затронули много важных тем и решили несколько вопросов. Ближе к обеду вернулся Сил Капитонович из гарнизона и заявил, что после обеда нас ждут для знакомства и беседы.

Наш путь пролегал напрямик в кремль. Варфоломей Иванович предложил для поездки свою городскую бричку, которая была более манёвренной. Однако нам всё равно пришлось оставлять свой транспорт в определённом месте у крепостной стены, а дальше следовать до интендантского корпуса пешком через весь плац.

Больше всего меня поразила не архитектура внутри крепости с разными зданиями и башнями, а полностью вымощенная аккуратным булыжником территория. Снега и сугробов внутри совсем не было, всё выметено под метёлку.

«Это же сколько солдатам пришлось приложить труда, чтобы всё здесь прибрать от снега?! А может к уборке привлекают каторжан? Их не жалко загружать тяжёлой физической работой. Это у нас в Покровской казачкам всё приходится делать самим, правда и площади у нас гораздо меньше», - крутилось в голове, когда мы двигались к небольшому зданию, расположенному чуть в стороне от остальных.

Пётр Васильевич Лагутин, интендант Тобольского гарнизона, принял нас ровно в назначенное время. Мы поднялись на второй этаж каменного здания, которое снизу практически не имело окон, зато в торце расположились массивные кованые ворота с обеих сторон. Предположила, что это сделано для удобства разгрузки с подвод. Наверняка первый этаж занят складами.

- Проходите, Пётр Васильевич вас ждёт, - открыл перед нами двери дежурный.

Нас встретил пожилой мужчина с военной выправкой лет шестидесяти. Чёрные волнистые волосы давно проредила седина. Борода коротко острижена и хорошенько прочесана волосок к волоску. Смуглое лицо испещрено глубокими морщинами особенно сильно на лбу и вокруг тёмно-карих глаз. Прямой нос с небольшой горбинкой придавал внешности некой хищности.

Тёмно-зелёный китель с золотыми погонами не скрывал широких плеч и развитой мускулатуры рук, а даже подчёркивал их. Его форма значительно отличалась от той, что носили в Покровской крепости. Оно и понятно, наш гарнизон был представлен казаками, а здесь собралось гораздо больше видов войск под управление генерал-майора.

Из «Ведомости» мне было уже кое-что известно о преобразованиях в армии. Раньше управление крепостями и острогами было сосредоточено в руках воевод, но после военной реформы Петра I многое изменили. Постепенно вокруг военных гарнизонов появлялись небольшие поселения и города. Возникла необходимость разделить власть на военную и административную. Приказные избы постепенно были переведены в статус канцелярий, а уезды

в более крупные административные территории - губернии. На самом деле изменений было очень много, но не все из них дошли до Сибири настолько быстро, как было запланировано.

«Не ведает царь, что делает псарь, - вдруг вспомнилась народная мудрость. - Разрыв между верховной властью и её исполнением на местах слишком велик в любой реальности и времени. А на местах ещё и часто всё настолько извратят, что даже самая хорошая задумка идёт только во вред людям».

В нашей крепости такой службы не было. Всю интендантскую функцию выполняли Аким Шилю и Макар Лукич Крашенинников. На самом деле это очень тяжелая работа. Каждый служивый гарнизона стоял на довольствии и получал причитаемое по рангу. Интендантская служба Тобольской крепости включает самую настоящую систему учреждений и органов, отвечающих за материальное обеспечение армии, включая снабжение оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием и другими видами довольствия. В более широком смысле, это тыловое обеспечение и военная логистика. Они же распределяют всё по более мелким крепостям и острогам, который закреплены за этой службой. Когда все они работают слажено, то и обозы приходят в назначенное место вовремя и без потерь. За все годы моей жизни в Покровской крепости обоз ещё ни разу вовремя не прибыл, но виноватого в этом найти было очень хлопотно, да и не брался за это никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.